

## Разговоры немецких беженцев. Иоганн Вольфганг Гёте

В те злосчастные дни, что имели столь печальные последствия для Германии, для Европы, да и всего остального мира, — когда в наше отечество сквозь оплошно оставленный зазор вторглась французская армия, — некое знатное семейство покинуло свои владения в пограничной области и переправилось на другой берег Рейна, дабы спастись от притеснений, грозивших всем именитым людям, коим вменялось в преступление, что они благодарно чтут память предков и пользуются благами, каковые каждый заботливый отец хочет предоставить своим детям и внукам.

Баронесса фон Ц., вдова средних лет, показала себя и теперь, во время бегства, к утешению ее детей, родных и близких, столь же решительной и деятельной, какой ее всегда знали дома. Многогранно образованная и умудренная превратностями судьбы, она слыла примерной матерью семейства, и для ее подвижного ума всякое занятие было в отраду. Она стремилась быть полезной многим и благодаря обширному знакомству располагала такою возможностью. Теперь баронессе неожиданно пришлось стать предводительницей небольшого каравана, но она сумела справиться и с этой ролью, — заботилась о своих спутниках и старалась поддержать в них ту искру веселья, что нет-нет да и вспыхивает даже среди всех тревог и лишений. И в самом деле: хорошее настроение было не редкостью у наших беженцев, ибо неожиданные происшествия, непривычная обстановка давали их стесненным душам немало пищи для шуток и смеха.

При поспешном бегстве в поведении каждого замечалась своя особенность. Один поддавался ложному страху, преждевременным опасениям, другой суетился по-пустому, и все случаи, когда кто-то оказался не в меру прыток, а кто излишне мешкотен, любое проявление слабости — будь то вялость или торопливость — давало впоследствии повод для взаимных издевок и насмешек, отчего печальное путешествие часто протекало веселее, чем в былые времена иные намеренно увеселительные прогулки.

Ибо подобно тому, как на представлении комедии мы, бывает, подолгу серьезно глядим на сцену, не смеясь нарочито веселым трюкам, и, напротив того, сразу же раздражаемся хохотом, когда в трагедии происходит нечто неподобающее, так в действительной жизни несчастье, выводящее людей из равновесия, обычно сопровождается комичными подробностями, которые вызывают смех нередко тут же, на месте, и уж непременно потом.

Особенно доставалось Луизе, старшей дочери баронессы, — живой, вспыльчивой и, в хорошее время, властной девице, утверждали, будто она при первых же признаках опасности совсем потеряла голову и в рассеянности, витая мыслями где-то далеко, принялась упаковывать наименее полезные вещи и будто бы даже приняла старого слугу за своего жениха.

Она защищалась, как могла, и не желала лишь терпеть никаких шуток, задевавших ее возлюбленного: ей и без того немало страданий причиняла мысль, что в армии союзников он каждодневно подвергается опасности и что заключение столь желанного брака из-за всеобщего неурядиства свершится не так скоро, а быть может, и никогда.

Ее старший брат Фридрих, решительный молодой человек, последовательно и точно исполнял все, что предписывала мать; он сопровождал поезд верхом и был одновременно курьером, каретником и проводником. Учитель младшего, подающего надежды сына, весьма образованный человек, составлял общество баронессе в карете; кузен Карл вместе со старым священником, давним другом семьи, без которого она уже не могла обходиться, и с двумя родственницами — одной постарше, другой помоложе, ехал в следующем экипаже. Горничные и камердинеры следовали сзади в колясках; замыкали поезд несколько тяжело груженных возов, не раз отстававших в пути.

Нетрудно себе представить, что и все-то путешественники неохотно покинули свой кров, а уж кузен Карл уезжал с того берега Рейна с особым неудовольствием; но не потому, что оставлял там возлюбленную, хотя это легче всего было бы предположить по его молодости, приятной наружности и пылкому нраву; дело обстояло иначе: он дал увлечь себя ослепительной красавице, каковая под именем Свободы сперва тайно, а затем и явно снискала себе столько поклонников; весьма дурно обошедшаяся с одними, она с тем большею горячностью почиталась другими.

Подобно тому как все любящие бывают ослеплены своею страстью, так же случилось и с кузеном Карлом. Положение в обществе, благополучие, сложившиеся отношения — все обращается в ничто, меж тем как вожаемый предмет становится единственным, становится всем. Родители, близкие и друзья делаются для нас чужими, и мы почитаем своим то, что всецело занимает нас, делая чужим все остальное.

Кузен Карл со всем пылом предался своему увлечению и не скрывал его в разговорах. Он полагал, что тем свободнее может высказывать эти взгляды, что он дворянин и, хоть и второй сын в семье, со временем унаследует значительное состояние. Как раз те имения, что в будущем должны были отойти к Карлу, оказались теперь в руках врага, хозяйничавшего там не лучшим образом. Несмотря на это, Карл не мог питать вражду к нации, которая сулила миру столько благ и чей образ мыслей он оценивал по публичным речам и высказываниям отдельных ее представителей. Он нередко портил хорошее настроение всей компании, на какое она бывала еще способна, неумеренно восхваляя все, и доброе и злое, что происходило у французов, не скрывая удовлетворения их успехами, чем особенно выводил из себя остальных, ощущавших свои страдания еще болезненнее из-за злорадства их друга и родственника.

У Фридриха уже не раз происходила размолвка с Карлом, а в последнее время он и вовсе избегал с ним вступать в какие-либо разговоры. Баронессе искусным образом удавалось принуждать его к сдержанности, хотя бы только на время. Больше всех его донимала Луиза, так как она, пусть зачастую и несправедливо, брала под сомнение его ум и характер. Домашний учитель про себя признавал его правоту, священник про себя не признавал его правым, а горничные, которые находили его наружность обворожительной, а его щедрость достойной уважения, слушали его речи весьма охотно, ибо его убеждения, как они полагали, давали им право с чистой совестью поднимать на него свои милые глазки, которые они до сего времени скромно опускали долу.

Потребности дня, дорожные злоключения, неудобства ночлега обычно вынуждали путешественников заботиться лишь о насущных нуждах, но большое число немецких и французских беженцев, коих они встречали повсюду и чье поведение и судьба были весьма несхожи,

наводили их на размышления о том, сколь многое побуждает человека в такие времена вооружиться всеми своими добродетелями, особенно же добродетелью непредвзятости и терпимости.

Однажды баронесса заметила, что в такие моменты всеобщего бедствия и смятения яснее, чем когда-либо, можно увидеть, как невежественны люди во всех отношениях.

— Гражданское устройство, — говорила она, — напоминает корабль, который призван перевозить большое число людей, старых и малых, больных и здоровых, через гибельные воды, даже во время бури, но лишь в ту минуту, когда корабль терпит крушение, обнаруживается, кто умеет плавать; в таких обстоятельствах нередко идут ко дну и наилучшие пловцы. В большинстве случаев мы видим, как беженцы таскают с собой в своих скитаниях присущие им недостатки и дурацкие привычки, и этому изумляемся. Но подобно тому, как путешествующего англичанина во всех частях света неизменно сопровождает его чайник, так и остальной массе человечества повсюду сопутствуют гордые притязания, тщеславие, неумеренность, нетерпение, себялюбие, кривизна суждений, желание коварно учинить подвох своему ближнему. Человек легкомысленный радуется бегству, словно увеселительной прогулке, избалованный требует, чтобы и в этом, нищенском его состоянии все было к его услугам. Сколь редко доводится нам встретить воплощение чистой добродетели в человеке, который воистину стремится жить и жертвовать собою для других.

Покамест делались те или иные знакомства, дававшие повод для подобных размышлений, миновала зима. Счастье снова вернулось к немецкому оружию, французов снова оттеснили на другой берег Рейна. Франкфурт был освобожден, а Майнц взят в кольцо.

В надежде на дальнейшие успехи победоносного оружия и желая вновь вступить во владение частью своей собственности, означенное семейство отправилось в принадлежавшее ему и весьма живописно расположенное имение на правом берегу Рейна. Как же воспряли они духом, вновь увидев под своими окнами воды могучей реки, как рады были вновь заглянуть во все уголки милого дома, как тепло приветствовали старых знакомцев — мебель, картины и всевозможную утварь; как дорога была им каждая мелочь — все, что они считали уже потерянным, и как окрепли их надежды, найти в один прекрасный день все в прежнем виде и по ту сторону Рейна.

Но лишь только в окрестности разнеслась весть о прибытии баронессы, как все ее знакомые, друзья и слуги поспешили к ней, дабы поделиться с нею пережитым, поведать о событиях последних месяцев, а заодно испросить совета и помощи в разных делах.

Теснимая всеми этими гостями, баронесса была приятнейшим образом удивлена, когда к ней пожаловал с семейством тайный советник фон С., человек, для которого деятельность с юных лет стала насущной потребностью; человек, облеченный доверием своего государя и заслуженно им пользовавшийся. Он твердо придерживался определенных принципов и обо многих вещах имел собственное суждение. Неукоснительно точный в речах и поступках, он требовал такой же точности от других. Последовательное поведение представлялось ему наивысшей добродетелью.

Его государь, его страна, да и он сам немало пострадали от нашествия французов; он на себе испытал произвол нации, беспрестанно взывавшей к закону, и деспотические замашки тех, кто без конца разглагольствовал о свободе. Он убедился, что и в этом случае толпа оставалась верна себе, восторженно принимая слово за дело, видимость обладания за самое обладание. Последствия проигранной кампании, равно как и последствия распространившихся взглядов и убеждений, не укрылись от его пронизательного взора, хотя нельзя отрицать и того, что многое он видел глазами ипохондрика и о многом судил предвзято.

Его жена, подруга детских лет баронессы, после стольких невзгод обрела в объятиях приятельницы покой и отдохновение. Они вместе росли, вместе воспитывались, — у них не было тайн друг от друга. Первые девические увлечения, тревожения супружеской жизни: радости, заботы и горести материнства — все, все привыкли они поверять друг другу, будь то устно или в письмах; сношения между ними никогда не прерывались. Только сумятица последних месяцев помешала им по-прежнему обмениваться новостями. Тем живее протекали их нынешние беседы, тем больше хотелось им поведать друг другу, между тем как дочери тайной советницы проводили время в обществе Луизы, находя его все более приятным для себя.

К несчастью, наслаждение чарующей природой тех мест нередко нарушалось грохотом пушек, доносившимся издалека то более, то менее явственно, в зависимости от направления ветра. Столь же неизбежными, как канонада, были, при множестве притекавших сюда новостей, разговоры о политике, сразу нарушавшие приятное настроение общества, ибо различные точки зрения и мнения высказывались их сторонниками с чрезвычайной горячностью. И подобно тому, как неумеренные люди не могут воздержаться от вина и тяжелой пищи, хотя и знают по опыту, что тотчас же поплатятся за это приступом дурноты, так и многие члены нашего общества не могли в этом случае себя обуздать, а поддавались неодолимому побуждению причинить боль другим, тем самым, в конечном итоге, уготовляя неприятные минуты и самим себе.

Легко себе представить, что тайный советник возглавлял партию, приверженную старой системе, а Карл выступал от имени противной, ожидавшей от предстоящих нововведений исцеления прежних нездоровых порядков.

Поначалу беседа велась еще с достаточной сдержанностью, особенно потому, что баронесса, тактично вступая в разговор, умела удерживать в равновесии обе стороны; однако с приближением критической поры, когда блокада Майнца грозила вот-вот перейти в осаду и люди все более тревожились о судьбе этого прекрасного города и остававшихся в нем жителей, все стали высказывать свои мнения с необузданным пылом. Чаще всего предметом общего разговора служили остававшиеся в Майнце клубисты, и каждый выражал надежду на их скорое наказание или освобождение — в зависимости от того, порицал или одобрял он их действия.

К числу первых принадлежал тайный советник, чьи доводы вконец рассердили Карла, когда тот решительно отказал этим людям в уме и обвинил их в полном незнании света и самих себя.

— В каком же ослеплении надобно пребывать, — воскликнул он однажды в послеобеденный час, когда беседа становилась все более оживленной, — чтобы вообразить, будто сия чудовищная нация, которая ныне среди величайшей смуты воюет против самой себя, нация, которая и в спокойные времена не способна ценить никого, кроме себя одной, соблаговолит бросить на них сочувственный взгляд! Их будут рассматривать как орудия, будут некоторое время ими пользоваться, а в конце концов выбросят за ненадобностью или же, в

лучшем случае, — забудут об их существовании. О, как они заблуждаются, ежели полагают, будто французы когда-либо примут их в свою семью!

Тому, кто велик и могуществен, ничто не кажется столь смешным, как притязания малого и ничтожного, который в ослеплении безумия, в неведении самого себя, своих сил и своего положения тщится с ним равняться. И неужто вы полагаете, что великая нация, после того как она была взыскана таким счастьем в войне, станет менее гордой и надменной, нежели любой победивший монарх?

Ведь многие из тех, кто ныне разгуливает с шарфом муниципального чиновника, станут проклинать этот маскарад, когда с ними, навязавшими своим соотечественникам новые мерзкие порядки, подло обойдутся при этих новых порядках те, на кого они возлагали все свои надежды. Да, мне представляется весьма вероятным, что при сдаче города, каковая теперь уж недолго заставит себя ждать, подобных людей выдадут нашим или оставят на произвол судьбы. И пусть они получают по заслугам, пусть испытают все унижение, коего достойны, сколь беспристрастно я бы их ни судил.

— Беспристрастно! — воскликнул Карл. — Как хотелось бы мне никогда более не слышать этого слова! Ну можно ли так огульно осуждать этих людей? Правда, они не посвятили себя с юных лет тому, чтобы в рамках укоренившегося порядка приносить пользу себе и другим привилегированным лицам. Правда, они не занимали немногих пригодных для жилья комнат старого здания, где могли бы проводить свою жизнь в неге и холе; скорее они испытывали все неудобства заброшенной части вашего государственного дворца; испытывали с тем большей остротой, что принуждены были сами влачить там свои дни в бедности и утеснении; они не могли считать за благо то, к чему были приучены смолоду, подкупленные механической легкостью привычных занятий; правда, им приходилось лишь исподтишка наблюдать ограниченность, нерасторопность, неумение, небрежность, коими ваши государственные мужи все еще надеются снискать себе почет; правда, они лишь втайне могли мечтать о том, чтобы труд и наслаждение распределялись более равномерно! И кто же осмелится отрицать, что среди них найдется по меньшей мере десяток благомыслящих и дельных людей, которые хоть и не в силах добиться лучшего в настоящий момент, все же имеют счастье своим посредничеством смягчать зло и способствовать грядущему благу; и коль скоро там есть подобные люди, то как не пожалеть о них, когда близится миг, который, быть может, унесет с собой все их надежды!

Тайный советник в ответ на это не без горечи пошутил насчет молодых людей, склонных идеализировать тот или иной предмет; Карл же не пощадил тех, кто способен мыслить лишь по устаревшим шаблонам и, не задумываясь, отбрасывать все, что под них не подходит.

Каждый новый довод незамедлительно вызывал ответный, отчего спор постепенно разгорался, и обе стороны не преминули высказать все то, чему на протяжении последних лет суждено было расстроить не одну добрую компанию.

Тщетно баронесса пыталась установить если и не мир, то хотя бы перемирие; даже тайной советнице, которая благодаря своему обаянию обрела некоторую власть над душою Карла, не удалось на него воздействовать, тем менее, что ее супруг продолжал без промаха метать стрелы в неискущенное юношество и насмехаться над склонностью детей играть с огнем, с коим: они не умеют управляться.

Карл, который во гневе себя не помнил, не удержался от признания, что он желает всяческого успеха французскому оружию и призывает каждого немца положить конец былому рабству; что он убежден — французская нация сумеет оценить благородных немцев, ставших на ее сторону; она будет смотреть на них и обращаться с ними, как с равными, и не только не принесет их в жертву и не бросит на произвол судьбы, а, напротив того, осыплет почестями, наградами и залогами своего доверия.

Тайный советник возразил на это: смешно думать, что французы хоть на миг — при капитуляции или сходных обстоятельствах — задумаются об их участи; скорее всего эти люди попадут в руки союзников, и он надеется увидеть их всех повешенными.

Этой угрозы Карл не вынес и вскричал: а он надеется на то, что гильотина и в Германии найдет себе обильную жатву и не минует ни одной преступной головы. К этому он прибавил несколько очень резких упреков, задевавших самого тайного советника и во всех смыслах для него оскорбительных.

— По-видимому, — сказал тайный советник, — мне придется покинуть общество, где перестали чтить все то, что прежде считалось достойным уважения. Мне горестно сознавать что я изгнан вторично, и на сей раз — соотечественником, но я убедился, что от него меньше можно ждать пощады, нежели от самих французов; я вижу в этом подтверждение старой истины: лучше попасть в руки к туркам, чем к ренегатам.

С этими словами он встал и вышел из комнаты; его супруга последовала за ним; все молчали. Баронесса в немногих, но резких словах выразила свое неудовольствие; Карл мерял шагами залу. Тайная советница воротилась в слезах и сообщила, что ее супруг велел укладывать вещи и послал за лошадьми. Баронесса пошла к нему, надеясь его уговорить. Барышни тем временем плакали и целовались на прощанье, крайне опечаленные тем, что они вынуждены столь быстро и неожиданно расстаться.

Баронесса вернулась ни с чем. Стали понемногу собирать вещи, принадлежавшие гостям. Печальные минуты разлуки и прощания глубоко тронули всех. С последними картонами и ларцами, вынесенными из дома, всякая надежда пропала. Привели лошадей, и слезы полились рекой.

Карета отъехала, и баронесса поглядела ей вслед: в глазах ее стояли слезы. Она отошла от окна и села за пьальцы. Все притихли, всем было не по себе. Особенное беспокойство выказывал Карл, — он сидел в углу, листая книгу, но то и дело бросал поверх книги взгляд на тетку. Наконец он встал, взял шпагу и как будто собрался уходить, однако, дойдя до дверей, повернул назад, подошел к пьальцам и с благородной сдержанностью сказал:

— Я оскорбил вас, милая тетушка, и причинил вам огорчение; простите великодушно мою несдержанность. Я сознаю свою ошибку и глубоко в ней раскаиваюсь.

— Простить-то я тебя держат не стану, потому что человек ты добрый и благородный, но ты уже не в силах исправить то, что испортил. По твоей вине я вновь лишилась общества подруги, которую впервые увидела после долгой разлуки, — само несчастье свело нас вместе, и рядом с нею я порой забывала обо всех тех бедах, что нам пришлось и, быть может, придется еще претерпеть. Принужденная долгие годы скитаться вдали от дома, она едва успела немного отдохнуть я кругу любимых старых друзей, в покойной квартире, среди прелестной природы, и вот она снова идти в изгнание, я наше общество, таким образом, лишено интереснейшего собеседника в лице ее супруга, ибо, каковы бы ни были его чудачества, человек он прекрасный и честный и к тому же — настоящий кладезь всевозможных знаний о людях и о жизни, о событиях и обстоятельствах, коими он умеет так ненавязчиво, так приятно и занимательно делиться с другими. Вот скольких удовольствий лишил ты нас своею горячностью; чем можешь ты возместить эту потерю?

Карл. Пощадите меня, дорогая тетушка, я и без того живо чувствую свою ошибку, не рисуйте мне столь отчетливо ее последствий.

Баронесса. Наоборот: чем отчетливее ты будешь их видеть, тем лучше для тебя. Здесь речь не о пощаде; суть в том, сумеешь ли ты справиться с собой. Ведь ты уже не в первый раз совершаешь подобную ошибку и, видимо, не в последний. О люди! Неужели бедствия, согнавшие вас под одну крышу, в одну тесную хижину, не научат вас наконец быть терпимыми друг к другу? Разве мало тех ужасных событий, что так неудержимо надвигаются на вас и ваших близких? Отчего не можете вы сделать над собою усилия и вести себя сдержанно и благоразумно с теми, кто, в сущности, ничего от нас не требует, ничего не отнимает? Неужели ваш нрав должен проявлять себя столь же слепо и неудержимо, столь же разрушительно, как события мировой истории, как грозы и другие стихийные бедствия?

Карл ничего не отвечал на это, а домашний учитель отошел от окна, у которого все время стоял, и, приблизившись к баронессе, сказал:

— Он исправится, этот случай должен послужить ему, да и всем нам, предостережением. Мы будем каждодневно проверять себя, держа перед глазами причиненную вам боль, и постараемся доказать, что умеем властвовать собой.

Баронесса. Как легко удается мужчинам себя утешить, особенно в этом пункте! Слово «власть» имеет для них такую приятность, а желание властвовать собой звучит так благородно. Они говорят об этом с величайшим удовольствием и хотят заставить нас поверить, будто и впрямь намерены этого добиться, но желала бы я хоть раз в своей жизни увидеть мужчину, способного владеть собой даже в самом пустячном деле!

Когда им что-либо безразлично, они прикидываются очень суровыми, словно им трудно без этого обойтись, а уж чего им страстно хочется, то они умеют представить себе и другим как нечто превосходное, необходимое, обязательное и неизбежное. Я не знаю ни одного из вас, кто был бы способен отказаться хотя бы от самой малости.

Учитель. Вы редко бываете несправедливы, и я еще никогда не видел вас во власти такой досады, такого негодования, как в эту минуту.

Баронесса. Уж мне-то этого негодования стыдиться нечего. Стоит мне только подумать о моей подруге, о том, как она едет в наемной карете по тряским дорогам, со слезами вспоминая о грубо нарушенном гостеприимстве, — и я готова всем сердцем вознегодовать на вас всех.

Учитель. Я и при более тяжких несчастьях не видел вас такой взволнованной и гневной, как сейчас.

Баронесса. Малое несчастье, когда оно следует за большими, переполняет чашу; да ведь и утрата подруги — несчастье отнюдь не малое.

Учитель. Успокойтесь и доверьтесь нам — мы непременно исправимся и сделаем все возможное, дабы угодить вам.

Баронесса. Ничуть не бывало: ни одному из вас уже не снискать моего доверия, но отныне я буду требовать от вас повиновения, у себя в доме я намерена приказывать.

— Да, требуйте, приказывайте нам! — вскричал Карл. — И впредь вам не придется жаловаться на паше непослушание.

— Ну, уж чрезмерно строга к вам я не буду, — с улыбкой возразила баронесса, взявши себя в руки, — мне не доставляет никакого удовольствия приказывать, в особенности таким свободомыслящим людям, как вы, но я хотела бы дать вам один совет и присовокупить к нему просьбу.

Учитель. И то и другое будет для нас законом.

Баронесса. Было бы глупо с моей стороны пытаться отвлечь в сторону тот интерес, что вызывают у каждого великие события, ныне совершающиеся в мире, события, жертвами коих, к несчастью, мы уже стали. Я не могу изменить взгляды, которые складываются у того или иного человека соответственно его образу мыслей и затем укореняются, развиваются, продолжая определять его поведение; столь же глупо и жестоко было бы требовать, чтобы он их не высказывал. Но одного я вправе ожидать от членов кружка, в котором живу, — что единомышленники будут держаться заодно и проводить время за приятной беседой, когда один говорит то, что другой уже подумал про себя. В своей комнате, на прогулке, в любом месте, где бы ни встретились эти люди, пусть они вволю изливают друг другу свои чувства, подхватывают то или иное мнение, упиваются пылкостью своих убеждений. Но в обществе, дети мои, не забывайте о том, сколь многим, дорогим и сокровенным, приходилось нам жертвовать и прежде ради светских приличий, еще до того, как возникли споры об этих предметах, и что пока существует мир, каждому придется ради светских приличий держать себя в рамках, хотя бы внешне. Итак, не во имя добродетели, а во имя самой обычной вежливости призываю я вас оказывать мне и остальным ту учтивость, которую вы — не будет преувеличением сказать — с малолетства привыкли оказывать первому встречному.

— Вообще я не понимаю, — продолжала баронесса, — что с нами случилось? Куда исчезло вдруг наше светское воспитание? Как мы, бывало, остерегались в обществе затронуть тему, которая могла бы оказаться неприятна тому или другому из присутствующих!

Протестант перед лицом католика избегал насмехаться над церковным обрядом; самый ревностный католик в присутствии протестанта никогда бы не обмолвился о том, что старая религия дает более надежную гарантию вечного блаженства.

Никто не стал бы хвалиться своими детьми в присутствии матери, потерявшей сына, и всякий чувствовал себя сконфуженным, ежели у него ненароком вырывалось неосторожное слово. Каждый, кто находился поблизости, старался загладить промах, — а что делаем мы ныне? Разве не постукаем мы как раз наоборот? Мы старательно выискиваем любой повод, дабы произнести нечто такое, что разозлит другого и выведет его из себя. О дети, друзья мои! Вернитесь же снова к прежним нашим привычкам. Нам довелось испытать уже немало горя, и, быть может, дым, что мы вдыхаем днем, и зарево, что видим ночью, предвещают нам близкую потерю наших жилищ и оставленного нами имущества. Так не будем же с таким ожесточением обсуждать эти новости в обществе, не будем частым повторением вслух еще глубже запечатлеть в душе то, что и само по себе причиняет нам довольно страданий в тиши.

Когда умер ваш отец, разве давали вы мне тем или иным образом, словами или знаками, вновь почувствовать горечь этой невосполнимой утраты? Разве не старались вы убрать с моих глаз все, что могло мне напомнить его в те горестные дни, и своей любовью, своей ненавязчивой заботой и услужливостью смягчить боль утраты и поскорее залечить рану? Разве не нужен нам теперь именно этот светский такт, который нередко действует вернее, чем неуклюжая помощь, пусть с самыми лучшими намерениями, теперь, когда не одного или двоих среди массы счастливых вдруг поражает несчастный случай и его горе вскорости тонет в благополучии остальных а когда среди неисчислимого множества несчастных только немногие в силу своих природных свойств или благоприобретенного умения наслаждаются случайным или искусственным довольством?

Карл. Вы уже достаточно отчитали нас, милая тетушка, не хотите ли снова протянуть нам руку?

Баронесса. Вот она, с условием, что отныне вы позволите ей вами управлять. Объявим амнистию! В такие времена чем быстрее люди решаются на примирение, тем лучше.

В этот миг в гостиную вошли другие женщины, успевшие уже хорошенько выплакаться после отъезда гостей и теперь избегавшие смотреть на Карла.

— Подойдите сюда, дети! — воскликнула баронесса. — У нас здесь состоялся серьезный разговор, и, как я надеюсь, он поможет нам восстановить мир и согласие, а также снова ввести тот хороший тон, которого нам долгое время недоставало. Быть может, никогда еще мы так не нуждались в том, чтобы сплотиться теснее и постараться рассеяться, хотя бы на несколько часов в день. Условимся же, что каждый раз, когда мы соберемся здесь вместе, всякие разговоры на злобу дня будут воспрещены. Как давно уже не вели мы поучительных и одушевляющих бесед, как давно не рассказывал ты нам, милый Карл, о дальних странах и царствах, об их устройствах, жителях, обычаях и нравах, которые тебе так хорошо известны. Как давно уже не вещала вашими устами (так обратилась она к учителю) древняя и новая история и мы не слышали сравнительных описаний столетий и лиц! Где те прелестные, изящные стихи, что, бывало, так часто, к усладе общества, извлекались из записных книжек наших юных дам? Куда девались непринужденные философские размышления? Неужели у вас совсем пропала охота приносить, как прежде, с прогулок то примечательный камень, то какое-нибудь неизвестное — по крайней мере нам растение или причудливое насекомое, что раньше всегда подавало нам повод предаться возвышенным мыслям о взаимосвязи всех существ? Пусть все эти беседы, некогда возникавшие сами собой, теперь снова войдут у нас в обычай по принятому нами уговору, постановлению, закону; употребите все свои силы, чтобы эти беседы были поучительными, полезными и, в особенности, занимательными, — это понадобится нам, быть может, еще больше, чем теперь, ежели все окончательно пойдет прахом. Дети мои, обещайте мне это!

Они горячо обещали ей сдержать уговор.

— А теперь ступайте: сегодня чудесный вечер, пусть каждый насладится им, как ему благоугодно, а за ужином давайте впервые за долгое время вновь насладимся плодами дружеской беседы.

Все понемногу разошлись; только фрейлейн Луиза осталась сидеть возле матери; у нее все не проходила досада на то, что ее разлучили с подругой, и она весьма резко отказала Карлу, приглашавшему ее на прогулку. Мать и дочь уже некоторое время молча сидели рядом, когда в гостиную вошел священник, только что возвратившийся с долгой прогулки и потому не подозревавший о том, что произошло в доме. Он положил шляпу и трость, сел в кресло и хотел было что-то рассказать, однако Луиза, делая вид, будто продолжает разговор с матерью, сразу же перебила его:

— Все-таки для некоторых лиц только что принятый нами закон окажется весьма неудобным. Ведь и в прежнее время, когда мы живали в имении, нам подчас не хватало тем для разговоров, ибо это не то что в городе, где можно сегодня оклеветать бедную девушку, завтра набросить тень на молодого человека; однако до сих пор мы находили отдушину, рассказывая забавные анекдоты про ту или другую великую нацию, высмеивая как немцев, так и французов и объявляя то одного, то другого якобинцем или клубистом. Но если и этот источник будет закрыт, то кое-кто из нашего кружка станет немым.

— Этот выпад, милая барышня, по-видимому, нацелен в меня? — с улыбкой начал старик священник. — Ну да вы знаете, что я почитаю себя счастливым, когда меня время от времени приносят в жертву остальной компании. Ибо хотя вы, несомненно, в каждой беседе делаете честь вашей прекрасной воспитательнице и всякий находит вас обворожительной, любезной и милой, в вас тем не менее сидит этакий бесенок, с которым вы не всегда можете совладать, и за малейшее насилие, каковое вы над ним чините, вы, похоже, вознаграждаете его за мой счет. Скажите мне, милостивая государыня, обратился он к баронессе, — что произошло в мое отсутствие? И какие это разговоры отныне запрещены в нашем кружке?

Баронесса поведала ему обо всем случившемся. Он внимательно ее выслушал и заметил:

— Да ведь и при таком порядке некоторые лица найдут возможность развлекать наше общество, и, пожалуй, даже лучше, нежели в других обстоятельствах.

— Посмотрим, — сказала Луиза.

— В этом законе, — продолжал священник, — нет ничего тягостного для человека, который умеет занимать себя сам; напротив того, ему будет приятно, что отныне он может поделиться с окружающими тем, что до сих пор делал словно бы украдкой. Ибо не в укор вам будь сказано, барышня, но кто же создает сплетников, соглядатаев и клеветников, как не само общество? Редко доводилось мне видеть, чтобы чтение книги или рассказ об интересных предметах, способные затронуть ум и сердце, в той же мере захватили бы внимание слушателей, так же пробудили бы их душевные силы, как иная ошеломительная новость, в особенности, если она принижает какого-нибудь соотечественника или соотечественницу. Спросите себя, спросите других — что придает интерес событию? Не его важность, не влияние, которое оно оказывает, а его новизна. Только новое обыкновенно представляется важным, потому что оно вызывает изумление само по себе и на мгновение возбуждает нашу фантазию, наши чувства едва задевает, а ум и вовсе оставляет в покое. Каждый человек способен совершенно без ущерба для себя принять живейшее участие во всем, что ново, и поскольку цепь новостей все время переключает его внимание с одного предмета на другой, то для толпы ничто не может быть более желанным, чем подобный повод для вечного рассеяния и подобная возможность дать выход своей злобе и своему коварству — всегда удобно, всегда по-новому.

— Ну вот, — воскликнула Луиза, — похоже, вы везде сумеете найтись: прежде от вас доставалось только отдельным лицам, теперь уж должен расплачиваться весь род людской!

— Я не требую от вас, чтобы вы когда-либо стали ко мне справедливы, возразил старик, — но одно я вам должен сказать: все мы, зависящие от общества, вынуждены с ним считаться и сообразоваться, более того, мы скорее можем себе позволить в обществе нечто неподобающее, чем то, что будет ему в тягость, а для него нет на свете ничего тягостнее, нежели призыв к размышлению и созерцанию. Всего, что направлено к этой цели, следует избегать, и только в тиши, наедине с собой, предаваться этому занятию, каковое запретно во всяком публичном собрании.

— Сами вы в тиши небось осушили не одну бутылку вина и не один часок соснули среди бела дня, — перебила его Луиза.

— Я никогда не придавал особого значения своим занятиям, — продолжал священник, — ибо мне ведомо, что в сравнении с другими людьми я изрядный лентяй, но между тем я собрал неплохую коллекцию, каковая, быть может, именно теперь могла бы доставить немало приятных часов нашему обществу при его нынешнем настроении.

— Что же это за коллекция? — спросила баронесса.

— Конечно, не что иное, как скандальная хроника, — вставила Лиза.

— Вы ошибаетесь, — сказал старик.

— Увидим, — ответила Луиза.

— Дай же ему договорить, — произнесла баронесса. — И вообще оставь привычку резко и недружественно нападать на человека, даже если он, шутки ради, и готов стерпеть эти нападки. У нас нет причин потакать таящему в нас злонравию, хотя бы и в шутку. Объясните мне, мой друг, из чего состоит ваша коллекция? Сгодится ли она для нашего развлечения? Давно ли вы начали ее собирать? Почему мы до сего времени ничего о ней не слыхали?

— Я вам представлю полный отчет, — отвечал старик. — Я уже давно живу на свете и всегда старался присмотреться к тому, что случается с тем или иным человеком. Я не нахожу в себе ни сил, ни решимости для обозрения всеобщей истории, а отдельные мировые события сбивают меня с толку; однако среди многочисленных историй из частной жизни, правдивых и ложных, которые обсуждаются в обществе или рассказываются друг другу на ухо, попадаются иногда такие, что обладают более истинной и чистой прелестью, нежели прелесть новизны. Одни способны развлечь нас благодаря остроумному повороту; другие на какие-то мгновения открывают нам человеческую натуру и ее сокровенные глубины, а иные потешают нас забавными дурачествами. Из большого числа подобных историй, что в обыденной жизни тешат наше внимание и нашу злобу и столь же обыкновенны как и люди, с которыми они приключаются и которые их рассказывают, я отобрал те, что, на мой взгляд, особенно характерны, что занимают и трогают мой ум, мою душу и, когда я мысленно возвращаюсь к ним, дарят мне минуты спокойной и незамутненной радости.

— Мне очень любопытно, — сказала баронесса, — услышать, какого рода эти ваши истории и о чем в них, собственно, идет речь.

— Вы легко можете догадаться, что о судебных процессах и семейных распрях речь в них пойдет не часто. Дела такого рода большею частью интересуют лишь тех, кому они отравляют жизнь.

Луиза. А о чем же эти истории?

Старик. В них обыкновенно рассказывается, — не стану этого отрицать, — о тех чувствах, что связывают или разделяют мужчин и женщин, делают их счастливыми или несчастными, по чаще смущают и путают, нежели просветляют.

Луиза. Вот оно что! Значит, вы намереваетесь преподнести нам в качестве изысканного развлечения набор непристойных анекдотов? Простите мне, мама, это замечание, но оно напрашивается само собой, а ведь надо же говорить правду.

Старик. Надеюсь, вы не найдете в моей коллекции ничего такого, что я мог бы назвать непристойным.

Луиза. А что вы обозначаете этим словом?

Старик. Непристойные речи, непристойные рассказы для меня непереносимы. Ибо они представляют нам вещи низменные, не стоящие внимания и обсуждения, как нечто необыкновенное, нечто притягательное, и вместо того, чтобы приятно занять наш ум, возбуждают нечестные желания. Они скрывают от наших глаз то, что надо либо видеть без всяких покровов, либо не видеть вовсе.

Луиза. Я вас не понимаю. Вы ведь все же постараетесь изложить нам ваши истории поизящней? Неужели мы позволим оскорбить наш слух пошлыми анекдотами? Или у нас здесь будет школа, где наставляют юных девиц и вы еще потребуете за это благодарности?

Старик. Ни то, ни другое. Ибо, во-первых, ничего нового для себя вы не узнаете, в особенности потому, что, как я с некоторых пор замечаю, вы никогда не пропускаете небезызвестных статей в ученых журналах.

Луиза. Вы позволяете себе колкости.

Старик. Вы — невеста, и потому я вам не ставлю этого в упрек. Я только хотел вам показать, что и у меня найдутся стрелы, которые я при случае могу в вас пустить.

Баронесса. Я уже поняла, к чему вы клоните, объясните ей тоже.

Старик. Для этого мне пришлось бы лишь повторять то, что я уже сказал в начале нашего разговора, но что-то не похоже, чтобы у мадемуазель Луизы было желание прислушаться к моим словам.

Луиза. При чем тут желание или нежелание и все эти разглагольствования? Как бы на это дело ни смотреть, эти ваши истории наверняка окажутся просто скандальными, с той или иной точки зрения, вот и все.

Старик. Должен ли я повторять, милая барышня, что благомыслящему человеку может показаться скандальным лишь то, в чем он усмотрит злобу, высокомерие, стремление вредить ближним, нежелание помочь, так что ему и глядеть-то на это не захочется; напротив того, небольшие прегрешения и недостатки он находит забавными, особенно же его привлекают истории, где он видит хорошего человека в некотором противоречии с самим собой, со своими желаниями и намерениями, где упоенные собою глупцы бывают посрамлены, поставлены на место или обмануты, где всякого рода наглость наказывается случайным или естественным образом, где планы, желания и надежды либо исполняются не вдруг, нарушаются и вовсе идут прахом, либо неожиданно оказываются близки к осуществлению и в самом деле осуществляются. Охотнее всего он устремляет свой бесстрастный взор туда, где случай играет с человеческой слабостью и несовершенством, и ни одному из его героев, чьи истории он сохраняет в памяти, не приходится опасаться порицания или ждать похвалы.

Баронесса. Такое предисловие вызывает желание поскорее услышать что-нибудь на пробу. А я и не знала, что в нашей жизни (а ведь большую часть ее мы провели среди одного и того же круга) случалось много такого, что можно было бы включить в подобную коллекцию.

Старик. Конечно, многое зависит от наблюдателя и от того, что он сумеет извлечь из того или иного случая, но не стану отрицать: кое-что я позаимствовал из старых книг и преданий. Быть может, вам даже будет приятно встретить давних знакомцев в новом обличье. Но именно это дает мне преимущество, коим я отнюдь не намерен поступиться: ни к одной из моих историй не следует подбирать ключ!

Луиза. Но вы же не запретите нам узнавать наших друзей и соседей и, если нам вздумается, разгадать загадку?

Старик. Совсем нет. Однако вы, со своей стороны, позволите мне тогда вытащить старинный фолиант и доказать вам, что история эта случилась или была сочинена за много столетий до нас. Равным образом вы позволите мне молча усмехнуться, если примете за старую сказку какую-либо историю, случившуюся в непосредственной близости от нас, но в том виде, в каком она рассказана, нами не узнанную.

Луиза. С вами не сговоришься. Будет гораздо лучше, если на сегодняшний вечер мы заключим мир и вы быстренько расскажете нам одну из ваших историй на пробу.

Старик. Позвольте мне вас не послушаться. Это удовольствие я приберегу до того времени, когда все общество будет в сборе. Нельзя лишать его хотя бы части моего запаса, и скажу вам наперед: все, что я могу вам предложить, само по себе никакой ценности не имеет. Однако если общество пожелает немного отдохнуть после серьезной беседы, если оно, уже насытившись отменной духовной пищей, начнет озираться в поисках десерта, вот тут-то я и подоспею со своими историями, и мне хотелось бы, чтобы они пришлись всем по вкусу.

Баронесса. Придется нам, стало быть, потерпеть до завтра.

Луиза. Я с большим нетерпением жду, что он нам преподнесет.

Старик. С большим нетерпением, мадемуазель, ждать не следует, ибо оно редко бывает вознаграждено.

Вечером после ужина баронесса сразу ушла к себе, но остальные не расходились, обсуждая только что доставленные новости и распространившиеся слухи. Как обычно бывает в такие моменты, никто не знал, чему верить, а чему нет.

Старый друг дома по этому случаю заметил:

— По-моему, самое удобное — поверить в то, что нам приятно, без обиняков отбросить то, что было бы неприятно, да и вообще счесть истинным то, что могло бы таковым быть.

Кто-то заметил, что люди обыкновенно так и поступают, и разговор постепенно свернул на решительную склонность нашей природы верить в чудеса. Заговорили о романических ужасах, о призраках, и когда старик пообещал вскоре рассказать несколько занятных историй такого рода, Луиза попросила его:

— Вы были бы очень любезны, если б именно сейчас, когда у нас есть на то настроение, рассказали какую-нибудь историю, мы бы ее выслушали со вниманием и были бы вам весьма благодарны.

Не заставляя долго себя упрашивать, священник начал рассказ следующими словами:

— В бытность мою в Неаполе там случилась одна история, вызвавшая много толков, но судили о ней по-разному. Одни утверждали, что она полностью вымышлена, другие, что сама история правдива, но речь в ней идет о ловком обмане. Среди тех, кто придерживался второго мнения, тоже не было единодушия, они спорили о том, кто же мог быть обманщик. Третьи говорили: еще вовсе не доказано, что духовно одаренные натуры не могут влиять на тела и стихии, и не следует всякое чудесное происшествие считать непременно обманом и ложью. Ну, а вот и сама история.

Некая певица по имени Антонелли была в то время любимицей неаполитанской публики. Находилась она в расцвете лет, красоты, таланта, словом, обладала всем тем, чем только может женщина очаровать и увлечь толпу, а также прельстить и осчастливить избранный круг друзей. Нельзя сказать, чтобы она была нечувствительна к похвалам и к любви, однако, по натуре своей благоразумная и умеренная, она умела насладиться и тем и другим, не теряя власти над собой, каковая была ей столь необходима в ее положении. Все молодые, знатные и богатые люди увивались вокруг нее, но она принимала у себя лишь немногих и, хотя при выборе любовников полагалась больше всего на свои глаза и сердце, тем не менее в каждом из этих маленьких приключений выказывала столь твердый, решительный характер, что это располагало бы к ней самого сурового наблюдателя. Я имел возможность видеть ее в течение некоторого времени, так как был близок с одним из тех, кого она взыскала своей милостью.

Шли годы; ей довелось узнать многих мужчин, в их число немало фатов, людей слабых и ненадежных. По ее наблюдениям выходило, что любовник, который в известном смысле становится для женщины всем, чаще всего оказывается совершенно никчемным, когда ей особенно требуется поддержка, — в житейских треволнениях, в домашних неурядицах, при необходимости быстрого решения; а бывает и так, что он просто вредит своей возлюбленной, ибо думает только о себе и из себялюбия почитает за благо дать ей самый дурной совет и толкнуть на опаснейший шаг.

До сего времени при всех ее любовных связях ум ее оставался праздным, однако и он требовал себе пищи. Она хотела наконец-то завести себе друга, и едва лишь ощутила такую потребность, как среди людей, старавшихся с нею сблизиться, объявился некий молодой человек, на которого она возложила свои надежды, и он, по-видимому, во всех отношениях этого заслуживал.

Это был генуэзец, коего в то время привели в Неаполь важные дела его торгового дома. Обладая от природы незаурядными способностями, он получил самое заботливое воспитание. Познания его были весьма обширны, ум, равно как и тело, развиты до совершенства, поведение же могло бы служить образцом — то было поведение человека, который ни на миг не забывается, но постоянно забывает себя ради других. Торговый гений его родного города отметил его своею печатью: все, что бы он ни затевал, он делал с большим размахом. Однако положение его было далеко не блестяще: его торговый дом пустился в некие сомнительные спекуляции и был теперь втянут в опаснейшие процессы. С течением времени дела его все более запутывались, и гнетущая забота придавала ему налет грусти, который очень шел к нему, а прекрасную девушку воодушевлял искать его дружбы, ибо, как она полагала, и ему тоже нужна была подруга.

Доселе он видел ее лишь на людях, от случая к случаю: ныне же, по его первому слову, она открыла перед ним двери своего дома, более того, настоятельно приглашала его к себе, и он не преминул воспользоваться ее приглашением.

Красавица не замедлила выказать ему свое доверие и открыться в своих желаниях. Он был этим удивлен и обрадован. Она же настойчиво просила его оставаться всегда ее другом, не притязая на роль любовника. Она поведала ему, что как раз сейчас находится в некотором затруднении, он же, располагая обширными знакомствами, мог бы дать ей наилучший совет и предпринять наискорейшие шаги ей на пользу. Он, со своей стороны, посвятил ее в свое положение, и поскольку она умела развеселить и утешить его и в ее присутствии у него возникали мысли, которые в ином случае не могли бы сложиться так быстро, она тоже в некотором роде стала его советчицей, и вскоре между ними упрочилась дружба, основанная на высочайшем обоюдном уважении и благороднейшей потребности.

К несчастью, однако, соглашаясь на какое-либо условие, люди не всегда думают о том, насколько оно выполнимо.

Он обещал оставаться ей только другом, не притязая на роль любовника, но не мог не признаться себе в том, что повсюду встречает поклонников певицы, удостоенных ее милостью, и что они ему глубоко противны, даже невыносимы.

Особенно больно бывал он задет, если его подруга весело потешалась над добрыми и злыми качествами одного из этих людей и как будто бы знала наперечет все недостатки своего избранника, но иногда в тот же вечер, словно бы в насмешку над своим почитаемым другом, покоилась в объятиях недостойного.

По счастью или несчастью, но вскорости случилось так, что сердце девушки оказалось свободным. Ее друг, к своему удовольствию, это заметил и попытался убедить ее в том, что освободившееся место подобает ему более, нежели кому-нибудь другому. Она склонила слух к его мольбам, однако не без внутреннего протеста. «Боюсь, — говорила она, — что из-за своей уступчивости я потеряю самое ценное, что есть в мире, — друга». Ее предсказание сбылось: прошло совсем немного времени, что он состоял при ней в этом двойном качестве, как его капризы начали становиться все более и более тягостными; как друг он притязал на все ее уважение, как любовник — на всю ее нежность, а как умный и любезный человек не желал обходиться без ее общества. Это, однако, было отнюдь не по нраву живой и общительной девушке; она не испытывала склонности к самопожертвованию и не имела желания признавать за кем бы то ни было исключительные права на нее. По этой причине она постаралась самым деликатным образом понемногу сократить его визиты, видеться с ним пореже и дала ему понять, что ни за какие блага в мире не намерена поступиться своей свободой.

Едва он это заметил, как почувствовал, что на него обрушилось величайшее несчастье, но, к сожалению, то была не единственная постигшая его беда: его домашние дела принимали самый скверный оборот. Он корил себя за то, что с юных лет считал свое состояние неиссякаемым источником и забросил свои торговые дела ради того, чтобы путешествовать и разыгрывать из себя в свете человека более знатного и богатого, нежели это позволяли ему его рождение и его доходы. Процессы, на которые он возлагал все свои надежды, тянулись долго и требовали больших затрат. Ему пришлось по этим делам несколько раз ездить в Палермо, и во время последней его поездки умная девушка приняла меры, чтобы изменить распорядок своей жизни и понемногу отдалить его от себя. Вернувшись, он нашел



е на другой квартире, гораздо дальше от его собственной, и увидел, что маркиз де С., имевший в то время большую власть над публичными увеселениями и зрелищами, запросто бывает у его возлюбленной. Это окончательно сломило его, и он тяжело захворал. Когда известие о его болезни достигло его подруги, она поспешила к нему, окружила его заботами, вверила попечению надежных слуг и, поскольку от нее не укрылось, что состояние его финансов оставляет желать лучшего, предоставила ему изрядную сумму денег, могущую на ближайшее время удовлетворить его нужды.

Своим дерзким посягательством на ее свободу друг и так уже много потерял в ее глазах; но по мере того, как ее нежность к нему остывала, взгляд ее становился все зорче и под конец сделанное ею открытие, что в собственных своих делах он поступал весьма опрометчиво, внушило ей не самое благоприятное представление о его уме и характере. Он между тем: вовсе не замечал свершившейся в ней перемены; напротив того: ее заботы о его здоровье, терпение, с каким она по целым дням просиживала у его постели, казались ему скорее признаками любви и дружбы, нежели сострадания, и он надеялся по выздоровлении снова вступить в свои права.

Как глубоко он заблуждался! По мере того как к нему возвращалось здоровье и восстанавливались силы, ее расположение и доверие к прежнему другу словно таяли, и казалось, будто теперь он ей настолько же немил, насколько раньше был приятен. К тому же незаметно для него самого характер его за время этих перипетий ожесточился и сделался невыносимым; вину за свои беды, кои он навлек на себя сам, он перелагал на других, а себя ни в чем не винил. Себя он почитал безвинно преследуемым, оскорбленным, несчастным человеком и надеялся, что совершенная преданность его подруги вознаградит его за все горести и страдания.

С этими требованиями он и приступил к возлюбленной в первый же день, как только опять смог выйти на улицу и явиться к ней в дом.

Он хотел от нее ни много ни мало: чтобы она всецело принадлежала ему, рассталась с прочими друзьями и знакомыми, оставила сцену и стала бы жить с ним одним и ради него одного. Она доказывала ему невозможность исполнить его требования, доказывала вначале шуточно, потом серьезно и под конец была вынуждена открыть ему горестную истину, что с их прежними отношениями покончено. Он покинул ее, и больше они никогда не видались.

Он прожил еще несколько лет в очень узком кругу, вернее сказать, в обществе одной старой благочестивой дамы, жившей с ним в одном доме на небольшую ренту. К этому времени он выиграл один процесс, а вскоре за тем и второе; однако здоровье его было подорвано, а счастье утрачено навсегда. Довольно было самого пустячного повода, чтобы его снова свалила тяжелая болезнь; врач предсказал ему Слизкую смерть. Он безропотно выслушал приговор, лишь выразил желание еще раз увидеть свою прекрасную подругу и послал к ней того самого слугу, который в счастливые времена, бывало, не раз приносил ему благоприятный ответ. Он обращался к ней с просьбой — она отказала. Он послал к ней слугу во второй раз, заклиная ее прийти, — она упорствовала. Наконец, — был уже поздний вечер, — он послал к ней в третий раз; она была взволнована и поверила мне свое смущение, ибо я как раз в тот вечер ужинал у нее вместе с маркизом и еще несколькими друзьями. Я посоветовал ей, даже просил ее воздать другу эту последнюю дань любви; она как будто бы колебалась, однако, по некотором размышлении, решилась и отослала слугу с окончательным отказом; больше он не возвращался.

После ужина мы сидели за столом, продолжая дружески беседовать; все были оживлены и в приподнятом настроении. Примерно около полуночи где-то рядом с нами вдруг раздался крик — жалобный, пронзительный, тревожный и долго не смолкавший. Мы вздрогнули, переглянулись и стали озираться по сторонам, пытаясь угадать, что за этим последует. Крик, исходивший откуда-то из середины комнаты, казалось, замирал в ее стенах. Маркиз вскочил и подбежал к окну, а мы бросились к нашей красавице, лежавшей в глубоком обмороке. С трудом удалось нам привести ее в чувство. Едва лишь она открыла глаза, как пылкий ревнивый итальянец принялся осыпать ее жесточайшими упреками. «Если уж вы уславливаетесь с вашими друзьями о сигналах, — сказал он, — то позаботьтесь хотя бы о том, чтобы они были не такими громкими и резкими». Она отвечала ему со свойственной ей находчивостью, что поскольку она имеет право во всякое время принимать у себя кого ей заблагорассудится, то едва ли стала бы предварять столь сладостные минуты такими заунывными и страшными звуками.

И поистине, в этом крике было нечто донельзя жуткое. В ушах у нас еще звенели его протяжные, гулкие отзвуки, отдаваясь во всех членах. Красавица была бледна, черты ее исказились, казалось, она все еще близка к обмороку; нам пришлось просидеть возле нее почти всю ночь. Голоса больше не было слышно. На следующий вечер то же общество собралось снова, не в столь веселом настроении, как накануне, но в довольно-таки благодушном, — и в тот же час раздался тот же непереносимый, ужасающий крик.

Мы между тем строили бесчисленные предположения о природе этого крика, о том, откуда он исходит, и просто терялись в догадках. Что тут долго распространяться? Всякий раз, когда она ужинала дома, крик раздавался, иногда громче, иногда тише, но, как утверждали, неизменно в одно и то же время. В Неаполе только и разговору было, что об этом происшествии. Вся челядь в доме, все друзья и знакомые живейшим образом его обсуждали, даже полиция дали знать. К дому были приставлены соглядатаи и сыщики. Тем, кто стоял на улице, казалось, что звук доносится откуда-то издалека, в комнатах же он слышался совсем близко. Когда она ужинала в гостях, голос молчал, но стоило ей остаться у себя, как он раздавался снова.

Однако и вне дома она не вполне была избавлена от этого злого провожатого. Ее красота и прелесть открыли перед нею двери самых знатных домов. Благодаря приятным манерам, она везде была желанной гостьей, и вот, чтобы избавиться от этого наваждения, она взяла за привычку проводить все вечера в гостях.

Как-то вечером один человек почтенного возраста и положения отвозит ее домой в своем экипаже. И вот в тот миг, когда она прощается с ним у дверей своего дома, между ним и ею вдруг раздается крик, и этого человека, которому история сия была известна ничуть не хуже, чем тысяче его сограждан, вносят в карету едва живого.

В другой раз некий молодой тенор, к которому она питала расположение, однажды вечером отправляется с нею в город навестить их общую приятельницу. Он слышал разговоры об этом странном феномене, но, будучи человеком жизнерадостным, считал подобное чудо едва ли возможным. По дороге они говорят об этой истории. «Я бы тоже хотел, — сказал он, — услышать голос вашего незримого спутника, вызовите его, ведь нас с вами двое, и нам нечего бояться». Уж не знаю, что ее толкнуло на это — легкомыслие или отвага, но только она вызвала духа, и в тот же миг в карете раздался громopodobный глас и, прозвучав три раза подряд, с жалобным отзвуком затих. Оба были найдены без чувств в карете возле дома их общей знакомой, и лишь с большим трудом удалось привести их и чувство и

узнать, что же такое с ними приключилось.

Красавица не сразу оправилась после этого случая. Испуг, поражавший ее снова и снова, отразился на ее здоровье, и казалось, что крикливый призрак на время дал ей передышку, а поскольку его долго не было слышно, она даже возымела надежду, что избавилась от него навсегда. Но не тут-то было.

По окончании карнавала артистка затеяла в сопровождении одной из своих подруг и горничной увеселительную прогулку. Она намеревалась погостить в одном загородном имении, но так как ночь застала их в дороге, к тому же в экипаже случилась какая-то поломка, им пришлось заночевать на захудалом постоялом дворе, где они постарались расположиться поудобнее.

Подруга уже легла спать, а горничная, зажегши ночник, хотела было прилечь возле своей госпожи, как той вздумалось вдруг пошутить: «Мы здесь, можно сказать, на краю света, да и погода прескверная, так неужто он и тут нас найдет?» В тот же миг он подал голос, страшнее и громче, чем когда бы то ни было. Подруга решила, что в комнате не иначе, как разверзся ад, выскочила из постели и, в чем была, кинулась вниз по лестнице, переполошив весь дом. Никто в ту ночь не сомкнул глаз. Но зато это был последний случай, когда слышался голос. Однако, к несчастью, непрошенный гость стал отныне возвещать о своем присутствии еще более неприятным образом.

Некоторое время он не причинял беспокойства, как вдруг однажды вечером, в обычный час, когда она сидела за ужином со своими гостями, снаружи кто-то словно выстрелил в окно — из ружья или из хорошо заряженного пистолета. Выстрел слышали все, и все видели вспышку, но, внимательно осмотрев окно, не нашли на нем ни малейших повреждений. Тем не менее все присутствующие были очень обеспокоены происшедшим, — они полагали, что кто-то покушается на жизнь красавицы. Поспешили в полицию, обследовали соседние дома, но, обнаружив ничего подозрительного, поставили там снизу доверху стражу. Тщательно обыскали также дом, где жила она сама, на улице расставили сыщиков.

Но все эти меры предосторожности оказались напрасными. Три месяца подряд в один и тот же час гремел выстрел в одно и то же окно, но повреждая стекла, и, что особенно примечательно, всегда незадолго до полуночи; дело в том, что в Неаполе живут по итальянскому времени, и полночь там особого значения не имеет.

Постепенно все привыкли к этому странному явлению, так же, как к предшествующему, и не ставили в укор привидению эти его безвредные выходки. Случалось даже, что выстрел нисколько не пугал собравшееся общество, не мешая ему продолжать беседу.

В один прекрасный вечер, пришедший на смену очень жаркому дню, красавица, позабыв, который час, растворила то самое окно и об руку с маркизом вышла на балкон.

Не успели они простоять там и несколько минут, как промеж них грянул выстрел, с силою отбросивший их обратно в комнату, где они без чувств повалились на пол. Когда они пришли в себя, то оба почувствовали боль, — он на левой, она на правой щеке, — как будто бы от сильной пощечины, но поскольку других повреждений у них не обнаружили, то это происшествие дало повод для всевозможных шуток.

С того дня выстрелов в доме больше не слышали, и певица вообразила, будто избавилась наконец от своего преследователя, но однажды вечером, когда она вместе с другой дамой ехала в коляске, ее снова сильнейшим образом испугало одно неожиданное приключение.

Путь их вел через Кьяйю, где когда-то жил ее умерший возлюбленный. Ярко светила луна. Дама, сидевшая с нею рядом, спросила: «Вот, кажется, дом, где умер господин \*\*\*\*?» — «Сколько помню, это должен быть один из тех двух домов», — отвечала красавица, и в тот же миг из одного дома раздался выстрел, ударивший в коляску. Кучеру показалось, что пуля угодила прямо в него, и он погнался лошадей вскачь. Когда они приехали на место, обеих женщин вынесли из коляски замертво.

Но этот испуг был и последним. Незримый преследователь изменил свою методику: несколько вечеров спустя под окнами красавицы раздались громкие рукоплескания. Прославленная певица, артистка, она, разумеется, была более привычна к таким звукам. В самих звуках ничего пугающего не было, они легко могли исходить от какого-нибудь ее поклонника, и она не придавала им значения. Однако ее друзья были более осторожны и, как в прошлый раз, выставили на улице посты. Те слышали звуки, но, сколько ни глядели, никого увидеть не могли, и многие уже надеялись, что вскоре все эти таинственные явления совершенно прекратятся.

Через некоторое время пропали и эти звуки, сменившись куда более приятными. Нельзя сказать, чтобы они были и впрямь мелодичны, но зато необычайно нежны и ласковы. У самых внимательных наблюдателей создавалось впечатление, будто музыка эта, рождаясь где-то за углом, на ближайшем перекрестке, несется по воздушным волнам прямо к окну певицы и там нежнейшим образом тает. Казалось, будто какой-то небесный дух пожелал очаровательной прелюдией возвестить мелодию, которою собирался исполнить. Наконец и эти звуки пропали и больше не возобновлялись; к тому времени сия удивительная история тянулась уже почти что полтора года.

Когда рассказчик на минуту умолк, слушатели стали высказывать свои суждения и сомнения касательно этой истории, — правдива ли она, да и может ли быть правдива?

Старик утверждал, что она несомненно правдива, коль скоро вызвала у них такой живой интерес, ибо для выдуманной истории она недостаточно искусна. Кто-то заметил: странно, почему никто не поинтересовался, что за человек был умерший друг певицы и при каких обстоятельствах он умер, — ведь это могло бы многое прояснить в данной истории.

— Это не преминули сделать, — ответил старик. — Я и сам после первого же странного явления отправился к нему в дом, исполненный любопытства, и под благовидным предлогом посетил ту даму, которая вплоть до его кончины пеклась о нем с поистине материнской нежностью. Она поведала мне, что ее друг питал необыкновенно сильную страсть к известной особе и в последние месяцы жизни только о ней и говорил, изображая ее то ангелом, то дьяволом.

Когда болезнь окончательно одолела его, он ничего не желал так страстно, как еще раз увидеть ее перед смертью, — возможно, в надежде вынудить у нее хоть одно нежное слово, признак раскаяния или какое-либо другое доказательство любви и преданности. Тем

ужаснее был для него ее непреклонный отказ, и, несомненно, ее решительное «нет» ускорило его кончину. В отчаянии он воскликнул: «Теперь ей ничто не поможет! Она избегает меня, но и после моей смерти я не дам ей покоя!» В таком ожесточении покинул он сию юдоль, а нам довелось воочию убедиться, что человек может сдержать свое слово и за гробом.

Собеседники принялись снова судить да рядить об этой истории. Под конец братец Фриц сказал:

— У меня есть одно подозрение, но я не стану его высказывать, пока еще раз не восстановлю в памяти все обстоятельства и как следует не проверю свои выкладки.

Когда же к нему со всех сторон приступили с просьбами, то он, пытаясь уйти от ответа, нашел лазейку, предложив, в свою очередь, рассказать историю, каковая, правда, по занимательности уступает предыдущей, но тоже такого рода, что ей никогда не могли дать удовлетворительного объяснения.

— У одного моего друга, достойного дворянина, жившего с семьей в старинном замке, воспитывалась сирота, и когда она подросла и достигла четырнадцатилетнего возраста, то была приставлена к хозяйке дома, чтобы во всем ей прислуживать. Ею были вполне довольны, да и она, казалось, не желала ничего лучшего, как только вниманием и преданностью изъясить признательность своим благодетелям. Она была недурна собой, и нашлось несколько молодых людей, желавших присвататься к ней. Ее воспитатели полагали, что вряд ли кто-либо из этих женихов мог бы составить счастье девушки, да и она сама не выражала ни малейшего желания изменить свое положение.

Однажды домочадцы заметили, что когда девушка ходит по дому, занимаясь своими делами, под ногами у нее то здесь, то там раздается какой-то стук. Вначале это сочли простым совпадением, но поскольку стук не прекращался, сопровождая ее почти на каждом шагу, она стала бояться и не решалась выйти из комнаты своей госпожи, ибо только там ее не преследовал этот стук.

Его мог слышать всякий, кто шел с нею рядом или стоял поблизости. Поначалу это курьезное обстоятельство служило поводом для шуток, но в конце концов сделалось для всех неприятным. Хозяин дома, человек пытливого ума, принялся сам его расследовать. Стук слышался не прежде, чем девушка делала шаг, но не в тот миг, когда она ставила ногу, а лишь когда поднимала ее, чтобы ступить. Однако удары иногда раздавались неравномерно и были особенно сильны, когда она пересекала одну из больших зал.

Однажды отец семейства зачем-то призвал в дом рабочих и, когда стук сделался особенно громким, приказал им разобрать пол в том месте, где она только что ступала. Под полом ничего не обнаружили, не считая того, что оттуда выскочило несколько больших крыс, и охота за ними наделала в доме много шума.

Возмущенный всей этой историей и поднявшейся в доме кутерьмой, хозяин решил прибегнуть к суровой мере: он снял со стены самый большой свой хлыст и поклялся, что забьет девушку до смерти, если стук послышится еще хоть раз. С того дня она невозбранно расхаживала по всему дому и стука никто больше не слышал.

— Из чего ясно видно, — вмешалась Луиза, — что милая девочка сама и была своим собственным привидением: по какой-то причине она придумала себе эту забаву и потешалась над своими господами.

— Ничего подобного, — возразил Фриц, — те, кто приписывал это явление неведомому духу, полагали, что это дух-хранитель, и хотя он желал, чтобы девушка покинула этот дом, он не мог допустить, чтобы ей причинили зло. Другие поняли это более прозаично и считали, что один из ее поклонников был настолько искусен и ловок, что сумел вызвать эти звуки, дабы выманить девушку из дома и залучить в свои объятия. Как бы то ни было, милая девушка прямо истаяла от этого наваждения и стала похожа на печальный призрак, тогда как прежде была цветущей и жизнерадостной, а среди обитателей дома — самой веселой. Но и такое похудание может быть объяснено совершенно по-разному.

— Жаль, — заметил Карл, — что подобные случаи недостаточно пристально исследуются, и, обсуждая события, которые нас столь живо интересуют, мы колеблемся между различными предположениями, ибо подробности, коими сопровождаются подобные чудеса, вовремя не были подмечены.

— Если бы это вообще было доступно исследованию, — сказал старик, — и в ту минуту, когда случается подобное происшествие, удавалось бы уловить все его моменты, ведь самое важное, чтобы от нашего внимания не ускользнуло ничто такое, за чем может скрываться обман и заблуждение. Разве можем мы разгадать приемы фокусника, хотя и знаем, что он нас водит за нос?

Не успел он договорить, как из угла комнаты вдруг послышался сильный треск. Все вздрогнули, а Карл шутя спросил:

— Надеюсь, это не подает голос чей-то умирающий любовник?

Он тотчас пожалел о своих словах, потому что Луиза побледнела и призналась, что трепещет за жизнь своего жениха.

Чтобы отвлечь ее от этих мыслей, Фриц взял свечу и подошел к стоявшему в углу бюро. Его выпуклую крышку наискось прорезала трещина; итак, происхождение звука было ясно; и все же всем показалось странным, что это бюро — одно из лучших изделий Рёнтгена, простояв столько лет на одном месте, именно в этот миг почему-то треснуло. Его часто восхваляли и показывали гостям как образец превосходной и необыкновенно прочной столярной работы, и вдруг оно ни с того ни с сего треснуло, хотя в воздухе не ощущалось ни малейшей перемены.

— Ну-ка, — сказал Карл, — выясним сначала это обстоятельство и взглянем на барометр.

Ртутный столбик стоял на том же уровне, что и все последние дни, да и термометр показывал понижение не более обычного в часы, когда день сменяется ночью.

— Жаль, — воскликнул он, — что под рукой у нас нет гиromетра; именно этот инструмент был бы нам сейчас нужнее всего!

— Похоже на то, — заметил старик, — что всякий раз, когда мы хотим поставить опыт с духами, у нас под рукой не оказываются необходимейших инструментов.

Их рассуждения прервал поспешно вошедший слуга, который сообщил, что на небе виднеется яркое зарево, но не ясно, где горит — в городе или в его окрестностях.

Поскольку недавнее происшествие сделало всех более чувствительными к страху, то это известие поразило присутствующих больше, нежели могло бы поразить в другое время. Фриц поспешил в бельведер, где помещалось большое горизонтальное стекло, на которое была нанесена подробная карта страны, так, чтобы при ее помощи можно было даже ночью с точностью определить местоположение того или иного города. Прочие остались в гостиной, взволнованные и озабоченные.

Фриц вернулся и сказал:

— Я не могу вас обрадовать. Ибо скорее всего горит не в городе, а в имении нашей тетушки. Я точно определил направление и уверен, что не ошибся.

Все стали сетовать, что сгорит такой красивый дом, и принялись исчислять убытки.

— Мне, между прочим, пришла в голову удивительная мысль, — сказал Фриц, которая, по крайней мере, успокоит нас касательно странного явления с нашим бюро. Прежде всего надо точно заметить себе момент, когда мы услышали треск.

Они отсчитали время назад, — видимо, это произошло около половины двенадцатого.

— А теперь можете смеяться надо мною, ежели вам угодно, — продолжал Фриц, — только я расскажу вам о своих догадках. Вам известно, что много лет тому назад матушка подарила нашей тете похожее, даже, можно сказать, совершенно такое же бюро. Обе вещи с великим тщанием изготовлены в одно и то же время, из одного и того же дерева, одним и тем же мастером; обе до сего времени прекрасно сохранились, но я готов биться об заклад, что в эту минуту вместе с загородным домом нашей тетушки гибнет в огне и второе бюро, и его брат-близнец при этом тоже чувствует боль. Завтра я сам отправлюсь туда, чтобы на месте по возможности уяснить себе этот странный факт.

На самом ли деле у Фридриха составилось такое мнение, или эту мысль подсказало ему желание успокоить сестру — мы решать не будем; довольно того, что общество воспользовалось поводом поговорить о неоспоримых тайных симпатиях и под конец нашло весьма вероятным существование таковых между предметами, сделанными из одного дерева, между произведениями, созданными одним художником. Они пришли к единодушному мнению, что и такие феномены могут быть причислены к явлениям природы, как и некоторые другие, вполне осязаемые и все же необъяснимые.

— Мне вообще кажется, — сказал Карл, — что всякий феномен, в равной мере, как и всякий факт, интересен сам по себе. Кто их объясняет или соотносит с другими происшествиями, делает это, собственно, лишь для забавы, а нас водит за нос, как естественный испытатель и сочинитель историй. Однако отдельно взятое действие или происшествие интересно отнюдь не потому, что оно объяснимо или правдоподобно, а потому, что оно истинно. Если около полуночи пламя поглотило тетушкино бюро, то странное растрескиванье нашего в то же самое время для нас — истинное происшествие, пусть оно даже будет вполне объяснимо и соотносится с чем угодно.

Хотя была уже глубокая ночь, никто и не думал идти спать, и Карл вызвался, в свою очередь, рассказать историю, ничуть не менее интересную оттого, что ее, пожалуй, легче объяснить и понять, чем предыдущие.

— Ее рассказывает в своих мемуарах маршал де Бассомпьер, — добавил он, — я позволю себе говорить от его лица.

«На протяжении пяти или шести месяцев я замечал, что всякий раз, как случалось мне проходить по Малому мосту (Новый мост был в то время еще не построен), одна пригожая лавочница, чье заведение было особенно приметно благодаря вывеске с двумя ангелами, по несколько раз низко и учтиво мне кланялась и глядела вслед до тех пор, пока я не скроюсь из глаз. Такое ее поведение меня поразило, и я тоже стал обращать на нее внимание и учтиво отвечать на ее поклоны. Однажды я возвращался верхом из Фонтенбло в Париж, и когда въехал на Малый мост, она вышла из своей лавки и, глядя, как я проезжаю мимо, громко сказала: «Ваша служанка, сударь!» Я ответил на ее приветствие и потом, оглянувшись несколько раз, увидел, что она перегнулась вперед, чтобы как можно дольше не терять меня из виду.

Меня сопровождали слуга и почтальон, коих я намеревался в тот же вечер отослать назад, в Фонтенбло, с письмами к нескольким дамам. По моему приказанию слуга спешил и зашел к молодой женщине, дабы передать ей от моего имени, что я заметил ее неизменное желание видеть и привечать меня, а ежели ей угодно познакомиться со мною поближе, я готов встретиться с нею там, где она пожелает.

Она отвечала слуге, что для нее не может быть вести приятнее и что она охотно придет туда, куда я укажу, но лишь с одним условием — что ей будет дозволено провести ночь под одним одеялом со мною.

Я принял это предложение и спросил слугу, не знает ли он такого места, где мы могли бы с нею сойтись? Он отвечал, что ответит ее к известной сводне, но советует мне, поскольку то здесь, то там все еще объявляется чума, приказать доставить туда матрацы, одеяла и простыни из моего дома. Я согласился, а он пообещал мне приготовить хорошую постель.

Вечером я отправился в назначенное место и застал там прехорошенькую женщину лет двадцати в изящном ночном чепчике, тонкой рубашке и короткой нижней юбке из зеленой шерстяной материи, поверх всего этого у нее было накинуто нечто вроде пеньюара, а ноги

были обуты в домашние туфли. Понравилась она мне сверх всякой меры, но когда я вздумал позволить себе кое-какие вольности, с большим достоинством меня остановила и пожелала поскорее очутиться со мною между двумя простынями. Я исполнил ее желание и должен признаться, что никогда не знал женщины более прелестной и ни одна не доставляла мне подобного наслаждения. На другое утро я спросил ее, нельзя ли нам будет увидеться еще раз, ибо я уезжаю только в воскресенье, а мы провели с нею ночь с четверга на пятницу.

Она отвечала, что еще более страстно желает этого, чем я, но ежели я не смогу остаться в Париже на все воскресенье, то для нее это будет невозможно, ибо она могла бы увидеться со мною снова лишь в ночь с воскресенья на понедельник. Когда я стал с нею спорить, она сказала: «Сейчас вы, должно быть, пресытились мною и в воскресенье непременно хотите ехать, однако вы скоро опять вспомните обо мне и, конечно, задержитесь еще на день, чтобы провести со мною ночь».

Уговорить меня оказалось не трудно, и я пообещал ей остаться на воскресенье и в ночь на понедельник вновь прийти в то же место. На это она отвечала: «Мне, государь мой, весьма хорошо известно, что ради вас я пришла в постыдный дом, но я сделала это по доброй воле, — мое желание встретиться с вами было столь непреодолимо, что я согласилась бы на любые условия. Только страсть к вам привела меня в это ужасное место, но я почитала бы себя продажной девкой, ежели бы позволила себе прийти сюда во второй раз. Умереть мне мучительной смертью, ежели я принадлежала кому-нибудь, кроме моего мужа и вас, и когда-либо буду принадлежать! Но чего не сделаешь ради того, кого любишь, да еще если это Бассомпьер! Ради него пришла я в этот дом — ради человека, чье присутствие облагораживает даже это место. Но коль скоро вы желаете увидеться со мною еще раз, я приму вас у своей тетки».

Она со всею возможной точностью описала мне дом и продолжала: «Я буду ждать нас с десяти часов до полуночи, и даже еще позже, дверь будет не заперта. Сначала вы попадете в недлинный коридор, — не мешкайте там, ибо в него выходит дверь теткой комнаты. Затем вы натолкнетесь на лестницу, каковая приведет вас во второй этаж, где я приму вас в свои объятия».

Я уладил свои дела, отослал вперед людей с вещами и с нетерпением стал ждать ночи, когда мне вновь предстояло увидеть пригожую бабенку. В десять часов я был уже на условленном месте. Тотчас же нашел я дверь, которую мне указала красотка, однако она была на запоре, а во всем доме горел свет, который время от времени вспыхивал ярким пламенем. Я принялся нетерпеливо стучать, чтобы дать знать о своем приходе, но услышал лишь мужской голос, спрашивавший, кто это стучит. Я отошел от дома и стал прохаживаться взад-вперед по улицам. В конце концов нетерпение вновь погнало меня к той двери. Я нашел ее открытой и, вбежав в коридор, бросился вверх по лестнице. Но каково же было мое удивление, когда я увидел в комнате нескольких мужчин, сжигавших в камине соломенные тюфяки, а при свете пламени, озарявшем комнату, два распростертых на столе нагих тела. Я поспешно ретировался и у выхода столкнулся с двумя могильщиками, которые спросили меня, что мне здесь надобно. Я выхватил шпагу, дабы не подпустить их к себе, и, порядком взволнованный сим странным зрелищем, воротился домой. Дома я незамедлительно выпил три-четыре стакана вина — средство против чумного поветрия, которое в Германии почитается весьма надежным, и, проведя спокойную ночь, наутро отправился в путь, в Лотарингию.

Все усилия, какие я прилагал по возвращении, дабы что-то узнать о судьбе той женщины, были тщетны. Я поехал даже на Малый мост, к лавке с двумя ангелами, но люди, снимавшие ее теперь, не знали, кто сидел в ней раньше.

Это приключение произошло у меня с особой низкого звания, но, поверьте, не окончилось оно столь неприятным образом, оно бы осталось в моей памяти как одно из самых увлекательных, и я всегда с тоской вспоминал об этой хорошенькой женщине».

— И эту загадку, — добавил Фриц, — тоже совсем нелегко разгадать. Ибо остается неясным, то ли эта милая женщина умерла в том доме от чумы вместе с другими, то ли не пришла туда лишь по этой причине.

— Будь она жива, — возразил Карл, — она непременно ждала бы своего возлюбленного на улице, и никакая опасность не помешала бы ей снова с ним встретиться. Боюсь все же, что одним из лежавших на столе мертвых тел была она.

— Замолчите! — воскликнула Луиза. — Что за страшная история! Хороша будет ночь, ежели мы уляжемся спать с такими картинами в воображении!

— Мне пришла на память еще одна история, — сказал Карл, — но гораздо более приятная, ее рассказывает Бассомпьер об одном из своих предков.

Одна красивая женщина, страстно любившая его предка, каждый понедельник приходила к нему в летний павильон, где он проводил с нею ночь, жене же своей он всякий раз говорил, что отправляется на охоту.

Два года подряд встречались они таким образом, пока жена однажды не возымела подозрения и не прокралась в павильон, где и застала своего супруга мирно спящим на постели рядом с красавицей. У нее не достало воли и мужества их разбудить, но она сняла с головы накидку и прикрыла его ноги спящих.

Когда женщина проснулась и увидела у себя на ногах накидку, она громко вскрикнула, разрыдалась и начала причитать, что теперь уж ей вовек не видать своего возлюбленного и что она не посмеет подойти к нему ближе, чем на сотню миль. И она покинула его навсегда, вручив ему три вещи для трех его законных дочерей: маленькую мерку для фруктов, кольцо и кубок, наказав обращаться с ее дарами как можно более бережно. Их бережно хранили, и потомки этих трех дочерей полагали, что обладанию этими вещами они обязаны многими счастливыми событиями своей жизни.

— Ну уж это скорее похоже на сказку о прекрасной Мелузине и другие волшебные истории в том же роде, — заметила Луиза.

— И тем не менее, — возразил Фридрих, — в нашем доме сохранилось сходное предание и такой же талисман.

— Что же это за предание? — спросил Карл.

— Это тайна, — отвечала Фридрих, — только старший сын имеет право быть посвящен в нее при жизни отца, а после его смерти вступить во владение сокровищем.

— Значит, его хранишь ты? — спросила Луиза.

— Я и так уже сказал слишком много, — заявил Фридрих, зажигая свечу, чтобы пойти к себе.

За завтраком все семейство, по обыкновению, собралось вокруг стола; затем баронесса снова села за пядьцы. После наступившего ненадолго молчания старый друг дома, священник, заговорил с чуть заметной улыбкой.

— Редко случается, чтобы певцы, порты и рассказчики, обещавшие доставить развлечение обществу, делали это вовремя; чаще всего они заставляют себя упрашивать, когда им надлежало бы сделать это по доброй воле, и становятся навязчивы, когда их вовсе не желают слушать. Я надеюсь составить исключение из этого правила и потому спрашиваю вас: готовы ли вы сейчас послушать какую-нибудь историю?

— С превеликой охотой, — отвечала баронесса, — я полагаю, что остальные тоже не прочь. Однако ежели вы намерены предложить нам какую-либо историю на пробу, то я должна вам сказать, какие рассказы мне не по вкусу. Мне не доставляют никакого удовольствия рассказы, где, по образцу «Тысячи и одной ночи», одно событие вплетается в другое, интерес к одному происшествию вытесняется интересом к другому; где рассказчик считает себя обязанным подогревать любопытство слушателей, каковое он имел неосторожность возбудить, то и дело прерывая свой рассказ, и вместо того чтобы занять их внимание разумной последовательностью фактов, напрягает его до предела затейливыми и недостойными уловками. Всяческого порицания заслуживает, на мой взгляд, стремление превращать истории, составляющие единое поэтическое целое, в некие рапсодические загадки и таким образом способствовать порче вкуса. Выбор темы для рассказа я оставляю всецело на ваше усмотрение, но пусть, по крайней мере, его форма докажет нам, что мы находимся а хорошем обществе. Предложите нам для начала историю с небольшим числом лиц и событий, складно сочиненную и обдуманную, правдоподобную, естественную и не слишком низменную; пусть действия в ней будут ровно столько, сколько необходимо, да и нравочения — не более того; это должна быть история, которая не стоит неподвижно, не топчется на месте, но и не летит сломя голову; история, в которой люди являются нам такими, какими мы хотели бы их видеть: не совершенными, но добрыми, не исключительными, но интересными и приятными. Пусть ваша история будет занимательна, пока вы ее рассказываете, оставит у нас чувство удовлетворения, когда вы ее окончите, и заронит в нас желание время от времени над нею призадуматься.

— Не знай я вас так хорошо, милостивая государыня, — ответил священник, я мог бы вообразить, что этими высокими и строгими требованиями вы вознамерились совершенно обесценить мой товар еще до того, как я успею показать вам какой-либо его образчик. Как трудно удовлетворить ваш спрос при таком мериле! Даже в настоящую минуту, — продолжал он, немного подумав, — вы принуждаете меня отложить рассказ, который я было наметил, до другого раза, но не знаю, не сделаю ли я второпях промашку, если с места в карьер примусь рассказывать одну старую историю, которая, правда, всегда первой приходит мне на ум.

В одном приморском городе Италии жил некогда купец, с юных лет отличавшийся умом и деловитостью. Был он к тому же и отличным мореходом и нажил большие богатства тем, что сам водил корабли в Александрию, где закупал или выменивал ценные товары, которые затем с выгодой перепродавал у себя дома или отправлял дальше, и северные страны Европы. Состояние его год от году все росло, тем более что в торговле он находил для себя наивысшую радость, и у него совсем не оставалось времени для дорогостоящих развлечений. Так в неустанной деятельности дожил он до пятидесяти лет, почти не ведая тех шумных удовольствий, коими услаждают себя мирные граждане; столь же мало, при всех достоинствах его соотечественниц, привлекал его и прекрасный пол, если не считать того, что он превосходно изучил женскую страсть к нарядам и украшениям и умел при случае с выгодой ею пользоваться.

Можно представить себе, сколь мало был он подготовлен к той перемене, которой суждено было совершиться в его душе, когда однажды его тяжело груженное судно бросило якорь в порту его родного города, и не в какой-либо обычный день, а в день ежегодного праздника, посвященного детям.

После богослужения мальчики и девочки высыпали на улицы, обряженные в самые разнообразные костюмы, — они выступали в процессиях или ватагой носились по городу, чтобы затем собраться на большом лугу и принять участие во всевозможных играх, где они могли показать свое искусство и ловкость и в честном состязании завоевать установленные для этого скромные призы.

Вначале наш моряк испытывал удовольствие, присутствуя на этом празднике, однако чем дольше он наблюдал безудержное веселье детей и восторг родителей и видел столько людей, чьи лица освещала радость настоящего и приятнейшая из всех надежд на будущее, тем отчетливее сознавал он, обращаясь мыслями к самому себе, свое крайнее одиночество. Впервые ему стало неуютно в пустых покоях его большого дома, и он принялся винить во всем самого себя.

«О я, несчастный! Для чего так поздно открылись у меня глаза? Для чего только к старости распознал я те блага, кои единственно делают человека счастливым? Столько трудов, столько пережитых опасностей — что принесли они мне? Да, мои подвалы ломятся от товаров, сундуки полны благородных металлов, а шкафы — сокровищ и драгоценных украшений, но душу мою все эти богатства не могут ни возвеселить, ни насытить. Чем больше я их накапливаю, тем больше требуют они себе подобных: одна драгоценность тянет за собою другую, одна золотая монета — вторую. Они не признают во мне своего повелителя, а наперерыв кричат: «Ступай скорее, неси еще, чтобы нашего полку прибыло!» Золото радуется только золоту, драгоценные камни — таким же камням. Так они помыкали мною в течение всей моей жизни, и слишком поздно я понял, что все это богатство не приносит мне радости. Увы! Лишь теперь, когда я уже в годах, начинаю я задумываться и говорю себе: ты не пользуешься этими сокровищами, да и после тебя никому будет ими пользоваться! Разве ты хоть раз надел эти уборы на любимую женщину? Дал их в приданое за любимой дочерью? Помог сыну привлечь и привязать к себе сердце достойной девушки? Нет, никогда! Из всего твоего достояния ты, в сущности, не владел ничем и никто из твоих, а все, что ты с такими муками скопил, после твоей смерти пустит по ветру какой-нибудь повеса.

О, сколь не похожи на меня те счастливые родители, что сегодня вечером соберут возле себя за столом своих детей, будут хвалить их за ловкость и побуждать к хорошим поступкам! Какую радостью светились их глаза и какими надеждами цветет для них настоящее! Ну а я, я

сам разве не вправе питать еще какую-нибудь надежду? Разве я уже немощный старец?

Разве нельзя наверстать упущенное, пока моя жизнь еще не клонится к закату? Нет, в моем возрасте вовсе не безрассудно помышлять о сватовстве; при таком богатстве я могу взять за себя достойную женщину и сделать ее счастливой, а если мне доведется обзавестись детьми, то эти поздние плоды принесут мне больше улады, нежели тем, кому небо дарует их слишком рано, так что нередко они оказываются в тягость и только вносят в жизнь смятение».

Едва он таким образом утвердился в своем намерении, как призвал к себе двух своих друзей-моряков и рассказал им обо всем. Эти его помощники, привыкшие всегда ему угождать, и на сей раз не подвели и тут же пустились на поиски самых молодых и красивых девушек в городе. Ибо раз уж их патрон пожелал заполучить этот товар, надобно было отыскать и доставить ему самый что ни на есть лучший.

Он и сам, как и его посланцы, не терял времени даром. Он ходил, расспрашивал, смотрел и слушал и вскоре нашел то, что искал, в лице девушки, в то время заслуженно славившейся первой красавицей в городе, — она была шестнадцати лет от роду, хорошо сложена, воспитанна, и ее приятная наружность и нрав, казалось, сулили ему счастье.

После недолго длившихся переговоров, обеспечивших красавице самое выгодное положение как при жизни мужа, так и после его смерти, справили свадьбу с величайшей широтой и пышностью, и с того дня наш купец впервые почувствовал себя истинным хозяином и обладателем своих богатств. Теперь он с радостью облачал прекрасное тело жены в самые красивые и роскошные материи; драгоценности совсем по-другому сверкали на груди и в волосах его возлюбленной, нежели прежде в ларцах, а кольца становились поистине бесценными благодаря руке, на которой они красовались.

И вот отныне он казался себе богаче прежнего, оттого что богатства словно ожили и умножились, найдя себе применение. Почти год прожили супруги в полнейшем согласии, и наш купец как будто бы навсегда променял свою тягу к деятельному и подвижному существованию на мирный уют домашнего очага. Однако старые привычки так скоро не искоренишь, и уж коли мы с юных лет избрали себе какое-то направление, то можем лишь на время от него отклониться, но не пресечь его навсегда.

Так и наш купец, видя, как другие отплывают на кораблях или входят в гавань, вновь ощущал в себе зов прежней своей страсти и даже дома, рядом с женой, испытывал иногда беспокойство и неудовлетворенность. Это желание постепенно крепло в нем и под конец вылилось в такую тоску, что он почувствовал себя до крайности несчастным и на самом деле захворал.

«Что же теперь со мной будет? — сказал он себе однажды. — Теперь-то придется мне узнать, сколь безрассудно под старость менять привычный уклад своей жизни. Как можем мы изгнать из своих мыслей, да и из самого своего тела, те чувства и стремления, что всегда владели нами? И на кого я похож теперь, я, любивший прежде воду, как рыба, а вольный воздух, как птица, а ныне сидящий взаперти со всеми своими богатствами и с венцом всех сокровищ моей юной красавицей женой? Вместо того чтобы, как я надеялся, обрести счастье и насладиться своим богатством, я чувствую, что, ничего не приобретаю вновь, словно бы все теряю. Несправедливо называют безумцами людей, которые неутомимой деятельностью стремятся умножить свои богатства, ибо деятельность — это и есть счастье, и для того, кто способен ощутить радость нескончаемого стремления, богатство ничего не стоит. Без дела я чувствую себя несчастным, без движения — больным, и ежели я не приму какого-то решения, то вскоре окажусь на пороге смерти.

Правда, оставлять в одиночестве молодую прелестную жену — дело рискованное. Разве это порядочно — добиваться руки очаровательной и пылкой девушки, а спустя короткое время оставить ее одну, во власти скуки, неудовлетворенных чувств и желаний? Разве не прогуливаются уже теперь под моими окнами разряженные молодые люди? Разве не пытаются они уже теперь, в церкви или в саду, обратить на себя внимание моей женушки? Что же начнется тут, когда я уеду? Могу ли я верить в то, что моя жена чудом спасется? Нет, безрассудно было бы полагать, что в ее возрасте, при ее красоте она станет воздерживаться от любовных утех.

Стоит мне уехать, и по возвращении я узнаю, что утратил любовь жены, а вместе с ее верностью — честь своего дома».

Оттого что он некоторое время терзал себя подобными мыслями и сомнениями, болезненное состояние, в коем он пребывал, до крайности ухудшилось. Его жена, родные и друзья были в отчаянии, не догадываясь о причине его болезни. В конце концов он еще раз призвал на помощь свой разум и, поразмыслив, воскликнул: «Безумец! Терпишь такие страдания, чтобы уберечь жену, которую ты все равно, если болезнь твоя не пойдет на убыль, после смерти оставишь другому. Разве не лучше и не разумнее будет ради сохранения собственной жизни рискнуть тем, что считается самым дорогим сокровищем женщины? Сколь многим мужчинам не удается даже присутствием своим предотвратить потерю этого сокровища, и они покорно обходятся без того, что не могли сберечь. Неужели у меня не останется мужества самому отказаться от этого блага, раз от моего решения зависит, буду я жить или умру?»

Дойдя до этой мысли, он воспрял духом и велел позвать своих друзей-моряков. Им он приказал зафрахтовать, как обычно, судно и держать все наготове, чтобы при благоприятном ветре можно было сразу выйти в море. Жене своей он сказал следующее:

«Не удивляйся, заметив в доме суету, по которой можно заключить, что я собираюсь в отъезд. И пусть тебя не печалит, когда я признаюсь тебе, что снова намерен отправиться за море. Я люблю тебя по-прежнему и буду неизменно любить до конца своих дней. Я умею ценить то счастье, какое познал с тобою, но я буду ощущать его еще полнее, если мне не придется столь часто втайне упрекать себя в бездеятельности и лени. Во мне просыпается прежняя страсть, и старая привычка вновь берет надо мною верх. Позволь мне снова побывать на александрийском базаре, который я теперь буду обходить с бо́льшим рвением, ибо я надеюсь приобрести там для тебя самые дорогие ткани и самые редкостные драгоценности. Я оставляю тебя хозяйкой всех моих товаров и всего моего достояния, пользуйся им и коротай время с твоими родными и близкими. Срок нашей разлуки минует быстро, и мы встретимся опять с еще большей радостью».

Проливая слезы, любезная супруга осыпала его нежнейшими упреками; заверила, что без него ей не знать ни одного светлого часа, но раз уж она не может его удержать и не вправе стеснять его свободу, то умоляет почаще вспоминать о ней, находясь вдали от дома.

Поговорив с женой о некоторых своих торговых и домашних делах, он, после недолгого молчания, сказал:

«У меня есть еще кое-что на сердце, и позволь мне быть с тобой откровенным, только я самым искренним образом тебя прошу не счесть мои слова за обиду, а увидеть и в самой моей тревоге вернейшее доказательство моей любви».

«Я догадываюсь, — отвечала красавица, — ты тревожишься за меня, ибо, как заведено у мужчин, считаешь наш пол слабым и беспомощным. Ты знал меня всегда молодой и веселой, а потому полагаешь, что в твое отсутствие я окажусь легкомысленной и поддамся соблазну. Я не порицаю тебя за подобный образ мыслей, так как он свойствен мужчинам, но я лучше знаю свое сердце и смею тебя заверить, что на меня не так-то легко сделать впечатление, и никакое впечатление не может воздействовать на меня столь сильно, чтобы совратить с пути, коим я шла до сих пор, — с пути любви и долга. Не тревожься: по возвращении ты найдешь свою жену такой же верной и нежной, какою находил ее по вечерам, когда после недолгой отлучки вновь возвращался в мои объятия».

«Я верю в искренность твоих чувств, — отвечал ей супруг, — и прошу тебя сохранять их и впредь. Но давай подумаем и о крайних случаях, почему бы нам с тобой их не предусмотреть? Ты знаешь, как сильно притягиваешь к себе своей красотой и грацией взоры молодых людей нашего города, в мое отсутствие они будут осаждать тебя еще настойчивей, всеми способами будут они пытаться приблизиться и даже понравиться тебе. Не всегда образ твоего супруга будет отгонять их от твоих дверей и твоего сердца, как ныне отгоняет его присутствие. Ты доброе и благородное дитя, но природа заявляет о себе требовательно и властно, ее притязания все время борются с нашим рассудком и обыкновенно одерживают над ним победу. Не перебивай меня. В мое отсутствие, даже сохраняя мне верность в душе, ты, несомненно, будешь испытывать вожделение, которым женщина привлекает к себе мужчину и которое влечет ее к нему. Какое-то время я буду составлять предмет твоих желаний, но кто знает, как сложатся обстоятельства, какой подвернется случай, и вот в действительности другой пожнет то, что в твоём воображении предназначалось мне. Имей терпение, прошу тебя, и выслушай меня.

Ежели случится такая оказия, хоть ты и отрицаешь ее возможность, а я отнюдь не стремлюсь ускорить, — когда ты не сможешь больше обходиться без общества мужчины и без утех любви, обещай мне одно: что ты не выберешь моим заместителем кого-либо из этих вертопрахов, которые при всей своей привлекательности еще более опасны для чести женщины, чем для ее добродетели. Больше из тщеславия, нежели по влечению сердца, готовы они увиваться вокруг каждой, и для них нет ничего проще, чем бросить одну ради другой. Ежели ты почувствуешь склонность завести себе друга, то поищи человека, который был бы достоин этого имени и своею скромностью и молчанием умел бы упрочить радости любви благодетельной тайной».

Тут молодая женщина не могла больше скрывать обиду, которую до сих пор сдерживала, и слезы брызнули у нее из глаз.

«Что бы ты обо мне ни думал, — вскричала она, бросаясь ему на шею, — все же ничто мне так не чуждо, как преступление, каковое ты, видимо, считаешь неизбежным. Пусть земля разверзнется и поглотит меня и пусть я буду лишена всякой надежды на вечное блаженство, каковое сулит нам столь радостное продолжение нашего существования, если у меня хоть когда-нибудь возникнет и самая мысль о прелюбодеянии! Очисти свою душу от недоверия и оставь мне лишь незамутненную надежду вскорости вновь заключить тебя в мои объятия!»

Успокоив, как только мог, жену, наш купец на другое утра сел на корабль; плавание его было благополучным, и вскоре он прибыл в Александрию.

Тем временем жена его жила, наслаждаясь всеми благами и удобствами, кои дарует большое богатство, однако весьма уединенно и обыкновенно не виделась ни с кем, кроме своих родных и близких; меж тем как торговые дела мужа вели его верные слуги, сама она занимала большой дом и, расхаживая по его роскошно убраным комнатам, ежедневно с любовью и удовольствием вспоминала своего мужа.

Но, как ни скромно она держалась и как ни уединенно жила, молодые люди в городе не теряли времени даром. Они не упускали случая пройтись взад-вперед под ее окнами, а по вечерам старались привлечь ее внимание музыкой и пением. Прекрасная отшельница вначале находила эти домогательства докучными и тягостными, однако вскоре к ним привыкла и в долгие вечера с превеликим удовольствием внимала серенадам, не заботясь о том, кто их исполняет, и нередко у нее при этом вырывался вздох тоски по уехавшему супругу.

Вместо того чтобы ее поклонники, как она надеялась, устав от напрасных трудов, понемногу отказывались от своих притязаний, они, напротив того, умножали свои усилия и запасались терпением. Теперь ей было уже нетрудно узнать одни и те же голоса и музыкальные инструменты, повторяющиеся из вечера в вечер мелодии, и она не могла больше сдерживать своего любопытства, выяснить, кто же эти незнакомцы, и особенно, кто самые упорные из них. Могла же она для времяпрепровождения проявить такой интерес.

Поэтому она стала время от времени сквозь занавески и неплотно прикрытые ставни поглядывать на улицу, примечать прохожих, и в особенности мужчин, которые долгие другие не спускали глаз с ее окон. Это были большею частью хорошо одетые молодые люди, однако в их поведении, да и во всем их облике замечалось столько же легкомыслия, сколько тщеславия. Похоже было на то, что своим пребыванием возле дома красавицы им больше хочется привлечь внимание к себе, нежели выказать ей свое восхищение.

«В самом деле, — с улыбкой говорила она себе время от времени, — у моего мужа явилась неглупая мысль! Условие, при котором он позволяет мне завести любовника, исключает всех тех, что сейчас увиваются вокруг меня и вполне могли бы мне понравиться. Он прекрасно знает, что ум, скромность и неразговорчивость — суть свойства более спокойного возраста, и хотя разум наш воздает им должное, они не могут ни всколыхнуть наше воображение, ни затронуть наши чувства. Что касается тех, кто осаждает мой дом своими учтивостями, то я уверена, что они не вызывают доверия, а тех, кого я могла бы удостоить своим доверием, я ни в малейшей степени не нахожу привлекательными».

Убаюкивая себя этими мыслями, она все смелее предавалась удовольствию внимать музыке и глядеть на проходивших мимо юношей, и незаметно для нее самой в ее груди стало расти беспокойное желание, но слишком поздно вздумала она ему противиться. Одиночество и праздность, покойная, удобная жизнь при полном достатке были той питательной средой, в которой и должна была зародиться безрассудная страсть, — еще прежде, чем милая девочка успела об этом подумать.



Она теперь все больше восхищалась, хотя и тихо вздыхала про себя, достоинством своего супруга, присущим ему знанием света и людей и особенно женского сердца. «Значит, то, что я так горячо оспаривала, все же оказалось возможным, — говорила она себе, — и значит, все же было необходимо присоветовать мне на подобный случай осторожность и благоразумие! Но что могут осторожность и благоразумие поделать там, где немилосердный случай словно бы играет с нашими смутными желаниями? Как могу я избрать человека, если я его не знаю, и разве более близкое знакомство оставляет возможность выбора?»

Этими и сотнями подобных мыслей красавица лишь усугубляла зло, которое уже пустило корни в ее душе. Напрасно пыталась она рассеяться, — все приятное возбуждало в ней чувства, а чувства даже в полном одиночестве вызывали в ее воображении прельстительные картины.

В таком состоянии находилась она, когда наряду с другими городскими новостями узнала от родных, что некий молодой правоведа, учившийся в университете в Болонье, только что возвратился в свой родной город. Им просто не могли нахвалиться. Обладая выдающимися познаниями, он выказывал ум и искусство, обычно не свойственные таким молодым людям, и при весьма привлекательной наружности — величайшую скромность. Сделавшись прокуратором, он вскоре снискал доверие граждан и уважение судей. Он ежедневно являлся в ратушу, чтобы заниматься там своими делами и бумагами.

Красавица слушала описание столь совершенного человека, и в ней зарождалось желание свести с ним знакомство поближе и затаенная надежда найти в нем того, кому она, согласно предписанию мужа, могла бы отдать свое сердце. Как восторгалась она, услышав, что он ежедневно ходит мимо ее дома, и как старалась не пропустить тот час, когда я ратуше начиналось присутствие. Не без волнения увидела она, как он наконец идет мимо, но если его молодость и красота имели для нее несомненную притягательную силу, то, с другой стороны, его скромность наводила ее на размышления.

Несколько дней она исподтишка его наблюдала и в конце концов не могла больше противиться желанию обратить на себя его внимание. Принарядившись, она вышла на балкон, и у нее забило сердце, когда она увидела его идущим по улице. Но как же была она опечалена, даже пристыжена, когда он, по своему обыкновению, погруженный в себя, уставив глаза в землю, степенной походкой прошествовал мимо, вовсе ее не заметив.

Напрасно пыталась она несколько дней кряду таким же способом привлечь его внимание. Он, как и в первый день, шел своим путем, не поднимая глаз и ни за что не глядя. Но чем больше она присматривалась к нему, тем больше убеждалась в том, что он и есть тот человек, которого так жаждет ее душа. Ее влечение к нему крепло с каждым днем, и, поскольку она ему не противилась, в конце концов стало неодолимым.

«Как! — сказала она себе, — после того, что мой благородный и мудрый супруг предсказал, в каком состоянии окажусь я в его отсутствие, и теперь, когда сбывается его предсказание, что я не смогу жить без друга и избранника, — теперь мне приходится тосковать и чахнуть в тот самый миг, когда счастье указало мне юношу, вполне отвечающего моим желаниям, юношу, с коим я могу вкушать радость любви под покровом непроницаемой тайны? Глупец, кто упускает свой случай, глупец, кто вздумает противиться всевластной любви!»

С помощью таких и подобных мыслей пыталась красавица утвердиться в своем намерении и лишь очень недолгое время колебалась, терзаемая сомнениями. Под конец же, как бывает, когда сильная страсть, которой мы долго противоборствовали, вдруг всецело завладевает нами и внушает нам такую решимость, что мы с презрением, как ничтожные препятствия отбрасываем тревогу и страх, стыд и сдержанность, долг и обязанность, она внезапно приняла решение послать к любимому служившую у нее девушку и соединиться с ним, чего бы ей это ни стоило.

Девушка поспешила к нему и, застав его за столом вместе с несколькими друзьями, слово в слово передала ему приветствие, которому ее научила хозяйка. Молодой прокуратор ничуть не удивился этому посланию: в юные годы он знал купца, знал, что сейчас он и отъезде, и хотя лишь смутно слышал о его женитьбе, предположил, что одинокой женщине в отсутствие мужа, возможно, понадобится совет юриста в каком-нибудь важном деле. Поэтому он самым любезным образом ответил девушке и заверил ее, что, как только они встанут из-за стола, он не замедлит нанести визит ее госпоже. С несказанной радостью услышала красавица, что вскоре она увидит возлюбленного и сможет с ним говорить. Она поспешила как можно лучше одеться и приказала привести во всем доме и в ее комнатах безукоризненную чистоту и порядок. Всюду были рассыпаны цветы и померанцевые листья, а диван устлан драгоценными коврами. Таким образом, короткое время ожидания было заполнено хлопотами, без чего оно показалось бы ей невыносимо долгим.

С каким волнением вышла она к нему навстречу, когда он наконец явился, с каким смущением пригласила сесть на табурет, стоявший тогда подле кушетки, на которую она опустилась сама! Очувтившись рядом с ним, о чем она так мечтала, красавица потеряла дар речи; она не подумала заранее о том, что хочет ему сказать; да и он сидел перед ней молчаливый и сдержанный. Наконец она решилась и заговорила не без тревоги и стеснения;

«Вы, сударь, только недавно воротились в свой родной город, но вас уже повсюду знают как одаренного и надежного человека. И я тоже хочу довериться вам по одному важному и необычному делу, какое, ежели хорошенько подумать, скорее следует поведать духовнику, нежели стряпчему. Вот уже год, как я замужем за достойным и богатым человеком, и пока мы с ним жили вместе, муж неизменно оказывал мне внимание, и у меня не было бы причин на него сетовать, если бы беспокойное стремление разъезжать по торговым делам не вырвало его недавно из моих объятий.

Человек разумный и справедливый, он чувствовал, сколь несправедливо поступает, надолго покидая меня. Он понимал, что молодую женщину нельзя хранить, словно жемчуг и драгоценности; ее скорее можно сравнить с пышным садом, изобилующим: прекрасными плодами, которые не достанутся ни хозяину, ни кому-либо другому, если он вздумает на несколько лет запереть туда вход. Вот почему перед своим отъездом он повел со мной серьезный разговор и уверил меня, что я не смогу жить без друга, и не только дал мне на то свое соизволение, но и настаивал на этом и взял с меня слово, что буду я почувствую к кому-то влечение, то я вправе последовать ему свободно и без колебаний».

На мгновение она умолкла, а многообещающий взгляд молодого человека придал ей смелости, и она продолжила свое призвание.

«Только одно условие прибавил мой муж к своему столь необыкновенно снисходительному разрешению. Он советовал мне быть крайне осторожной и решительно потребовал, чтобы я избрала себе в качестве друга человека степенного, умного и небогатого. Избавьте меня, сударь, от дальнейших признаний, избавьте от смущения, с каким бы я стала заверять вас в моем расположении, моем доверии к вам, и догадайтесь сами, на что я надеюсь и чего желаю».

После недолгого молчания любезный молодой человек ответил ей весьма обдуманно и осторожно.

«Я глубоко признателен вам за высокое доверие, коим вы меня отличили и осчастливили. Всем сердцем спешу убедить вас, что вы не обратились к недостойному. Но позвольте мне сперва ответить вам, как законоведу: в качестве такового я не могу не восхищаться вашим супругом, который сполна почувствовал и понял свою вину перед вами, ибо не подлежит сомнению, что человек, покидающий свою молодую жену ради того, чтобы посетить чужеземные страны, должен рассматриваться как лицо, пренебрегшее другим, драгоценнейшим своим имуществом, тем самым как бы отказавшееся от всяких прав на таковое. Первый встречный в подобном случае вправе завладеть оставленной без присмотра вещью; а посему, как не считать естественным и справедливым, если молодая женщина, очутившаяся в таком положении, подарит кому-то свое сердце, без раздумий отдастся другу, которого сочтет приятным и надежным.

Когда же, как в вашем случае, сам супруг, сознавая совершаемую им несправедливость, в недвусмысленных выражениях разрешил своей жене то, чего не мог ей запретить, то сомнения и вовсе отпадают, тем более что такой поступок не будет несправедлив по отношению к тому, кто добровольно на него согласился.

И если вы теперь, — продолжал молодой человек, проникновенным голосом и с живейшим сочувствием во взоре, взяв за руку свою прекрасную собеседницу, — избрали меня своим слугою, вы тем самым приобщаете меня к блаженству, о котором я не смел и подумать. Будьте уверены, — вскричал он, целуя ей руку, что вы не могли бы сыскать себе слугу более преданного, нежного, верного и молчаливого!»

Какое успокоение почувствовала, услышав это, прекрасная женщина! Она уже не стыдилась откровенно выказать ему свою нежность — пожимала руки и, придвинувшись к нему, положила голову ему на плечо. Но так продолжалось недолго: молодой человек нежно от нее отстранился и заговорил с заметным огорчением:

«Может ли человек оказаться в более странных обстоятельствах? Я вынужден с вами расстаться, учинив над собою величайшее насилие, расстаться в тот миг, когда мог бы предаться самым сладким чувствам. Я не смею в это мгновение насладиться тем счастьем, которое ждет меня в ваших объятиях. Ах! Только бы отсрочка не заставила меня обмануться в коих радужных надеждах!»

Красавица в испуге спросила о причине его странного заявления.

«В то самое время, когда я заканчивал курс в Болонье, — отвечал он, — и, не щадя своих сил, старался как можно лучше подготовиться к предстоящей мне деятельности, на меня напала тяжкая болезнь, грозившая если не вовсе лишить меня жизни, то основательно подорвать мои телесные и духовные силы. Находясь в самом бедственном положении и терпя жесточайшие муки, я дал обет богородице целый год провести в строгом воздержании от каких бы то ни было удовольствий, если пречистая исцелит меня. Вот уже десять месяцев, как я неукоснительно соблюдаю свой обет, и в сравнении с оказанным мне величайшим благодеянием этот срок не показался мне слишком долгим; было не так уж трудно отрешиться от многих житейских благ, уже вошедших в привычку. Но какими бесконечными покажутся мне оставшиеся два месяца, по истечении которых я смогу насладиться счастьем, превосходящим всякое воображение. Постарайтесь же и вы как-нибудь скоротать это время, не лишая меня той милости, коей вы меня удостоили».

Красавица, не слишком обрадованная словами своего избранника, все же несколько воспряла духом, когда он, немного подумав, продолжал:

«Я едва осмеливаюсь сделать вам одно предложение, указав на средство, способное досрочно разрешить меня от возложенного на себя обязательства. Если б нашлся человек, согласный выдерживать обет столь же строго и твердо, как я, и разделит со мной пополам оставшийся мне срок, то я мог бы тем скорее освободиться, и тогда ничто уже не препятствовало бы осуществлению наших желаний. Не согласились бы вы, дорогая моя подруга, устранить часть препятствий, стоящих у нас на пути, и тем ускорить наше счастье? Только на самого надежного человека могу я переложить часть моего обета; он очень суров, ибо мне дозволено лишь дважды в день вкушать пищу — хлеб и воду, всего несколько часов спать ночью на жестком ложе и, несмотря на множество дел, как можно чаще творить молитву. И ежели мне не удастся уклониться от участия в каком-нибудь пиршестве, как случилось сегодня, то и тогда я не вправе нарушить свой долг, а напротив того, должен противостоять соблазну отведать те яства, которыми меня прельщают. Ежели вы можете решиться в течение месяца также придерживаться этих установлений, то на исходе его вы тем радостнее соединитесь с вашим другом, в сознании, что завоевали его сами своим достохвальным подвигом».

Красавица с неудовольствием услышала о препятствиях, стоящих между нею и ее возлюбленным, но страсть к молодому человеку от его присутствия настолько усилилась, что никакое испытание не казалось ей чересчур суровым, лишь бы оно привело к обладанию возжеланным благом. А посему она сказала ему в самых ласковых выражениях;

«Мой нежный друг! Чудо, благодаря которому вы исцелились, и для меня столь дорого и свято, что я охотно вменю себе в долг разделить с вами обет, который вы обязались исполнить. Я рада дать вам такое доказательство моей любви; я буду строжайшим образом придерживаться ваших предписаний, и ничто не заставит меня свернуть с пути, на который вы меня наставили, до тех пор, пока вы сами не дадите мне разрешения».

Обсудив с ней подробнейшим образом условия, при которых она должна была наполовину облегчить ему исполнение обета, он ушел с заверениями, что вскоре непременно посетит ее снова, чтобы удостовериться в неукоснительном соблюдении уговора; так вот и пришлось ей отпустить его без рукопожатия, без поцелуя, без ободряющего прощального взгляда. Счастьем для нее явились хлопоты,

вызванные этим необыкновенным уговором, — ей надо было много сделать, дабы полностью переменить свой образ жизни. Сперва были выметены роскошные цветы и листья, которые она приказала разбросать к его приходу; затем мягкая и удобная кровать была заменена жесткой скамьей, на которую она и улеглась, впервые в жизни не досыта поужинав водой и хлебом. На другой день она принялась кроить и шить рубашки, так как обещала изготовить определенное их количество для дома призрения. При этом новом и непривычном для нее занятии она тешила свои мечты образом любимого друга и надеждою на будущее блаженство; благодаря этим сладостным картинам скудная пища оказывалась для нее чем-то вроде укрепляющего сердце лекарства.

Так миновала неделя, и к концу ее розы на щеках красавицы заметно поблекли. Платья, прежде плотно облежавшие ее, стали ей широки, а ее столь подвижное и крепкое тело — вялым и слабым. Но тут к ней снова явился ее возлюбленный и одним своим присутствием ее утешил и подбодрил. Он призвал ее не сходить с раз избранного пути, а с твердости брать с него пример и поманил надеждою на неомраченное счастье в будущем. Пробыв у нее совсем недолго, он ушел, пообещав вскоре прийти снова.

И опять закипела благотворительная работа, и в строгой диете не допускались никакие поблажки. Но увы! И самая тяжелая болезнь не могла бы изнурить ее больше. Друг, навестивший ее к концу второй недели, глядел на нее с величайшим состраданием, но вновь поддержал ее силы, напомнив, что половина срока уже миновала.

Однако непривычный образ жизни — пост, молитвы, работа — становился для нее с каждым днем все тягостнее, а доведенное до крайности воздержание, казалось, совершенно обессилило ее тело, привыкшее к покою и к обильной пище. Под конец красавица едва держалась на ногах и принуждена была, несмотря на жаркое время года, кутаться в теплые одежды, чтобы как-то согреть свое стынущее тело. Более того, она уже не могла передвигаться и последние дни искуса не покидала постели.

Каким только размышлениям не предавалась она в эти дни! Как часто перед ее мысленным взором проходило все с нею приключившееся, и как обидно ей было, что за целые десять дней ее друг ни разу к ней не пришел, — а разве не для него она приносила такие великие жертвы! И все же в эти тяжкие часы подготавливалось ее полное выздоровление, да оно, собственно, уже и состоялось. Ибо когда вскоре за тем явился ее друг и, усевшись возле ее постели на тот самый табурет, на котором он выслушал ее первое признание, стал ласково, даже нежно увещевать ее перетерпеть оставшееся короткое время, она с улыбкой прервала его и сказала:

«Не надо больше меня уговаривать, дорогой друг, я буду исполнять свой обет в течение этих нескольких дней терпеливо, в убеждении, что вы возложили его на меня ради моей же пользы. Я теперь слишком слаба, чтобы выразить всю благодарность, какою я вам обязана. Вы сберегли меня для меня же самой, вы возвратили меня к своей сути, и я живо сознаю, что отныне обязана вам и самым моим существованием.

Поистине, мой муж был рассудителен и мудр и хорошо знал сердце женщины; он был достаточно справедлив, чтобы не корить ее за влечение, которое по его вине могло бы в ней зародиться; он был достаточно великодушен, чтобы поступиться своими правами перед велениями природы. Но и вы, милостивый государь, добры и разумны: вы помогли мне понять, что, кроме плотского влечения, в нас есть еще нечто, могущее создать ему противовес; что мы способны отречься от любого привычного нам блага и даже противоборствовать самым пылким своим желаниям. Вы заставили меня пройти эту школу, прибегнув к обману и радужным надеждам, но ни того ни другого больше не требуется, когда мы наконец-то познали то доброе и могучее «я», что тихо и молчаливо живет в нас, пока не обретет власти в доме или по меньшей мере не даст знать о своем присутствии нежными напоминаниями. Прощайте! Ваша подруга будет впредь с удовольствием с вами видаться; влияйте на своих сограждан, как повлияли на меня: не распутывайте одни только узлы, что так легко завязываются вокруг имущественных состояний, но покажите им также мягкими наставлениями и собственным примером, что в каждом человеке затаенно живет тяга к добродетели; наградой вам будет всеобщее уважение, и вы более, чем первое лицо в государстве и самый прославленный герой, заслужите прозвание отца отечества».

— Вашего прокуратора нельзя не похвалить, — сказала баронесса, — он повел себя умно, тактично, находчиво и наставительно, такими должны быть все, кто хочет удержать нас от ошибок или вернуть на праведный путь. Поистине, этот рассказ прежде многих других заслуживает название морального рассказа. Предложите нам еще несколько подобных историй, нашей компании они, несомненно, доставят удовольствие.

Старик. Хоть мне и приятно, что эта история снискала ваше одобрение, я все же огорчен, что вы ждете от меня других моральных рассказов, ибо этот у меня и первый и последний.

Луиза. Вряд ли вам делает честь, что в вашей коллекции нашелся всего лишь один рассказ высоконравственного содержания.

Старик. Вы неверно меня поняли. Это не единственная моральная история, какую я мог бы рассказать, но все они так похожи друг на друга, что кажется, будто ты говоришь об одном и том же.

Луиза. Пора уж вам наконец отвыкнуть от ваших парадоксов; они только сбивают с толку. Нельзя ли изъясняться попроще?

Старик. С величайшим удовольствием. Лишь тот рассказ заслуживает название морального, который показывает нам, что человек способен поступать вопреки своему влечению, когда он видит перед собой высокую цель. Этому-то и учит нас мною рассказанная, да и всякая другая моральная история.

Луиза. Значит, чтобы поступать морально, я должна поступать вопреки своему влечению?

Старик. Да.

Луиза. Даже если это доброе влечение?

Старик. Никакое влечение само по себе не может быть добрым, добрым оно бывает, лишь поскольку оно порождает добро.

Луиза. А если человеком владеет влечение к благотворительности?

Старик. Значит, надо себе воспретить и благотворительность, когда заметишь, что этим разоряешь собственный дом.

Луиза. А если постоянно испытываешь непреодолимое влечение к благодарности?

Старик. Природа уж позаботилась о том, чтобы благодарность никогда не стала безотчетным влечением человека, но допустим, все же стала, так и в этом случае уважения заслужит лишь тот, кто скорее выкажет себя неблагодарным, чем из любви к благодетелю совершит постыдный поступок.

Луиза. Значит, моральных историй все-таки может быть бесчисленное множество.

Старик. В этом смысле — конечно! Но все они скажут нам не больше того, что сказал мой прокуратор; поэтому единственной в своем роде моя история может быть названа только по духу; материя же — тут вы правы! — может быть самой разнообразной.

Луиза. Ежели бы вы сразу выразились точнее, у нас бы и спора не было.

Старик. Но не было бы и разговора. Путаница и недоразумения источники деятельной жизни и беседы.

Луиза. И все же я не могу с вами полностью согласиться. Когда храбрый человек, рискуя собственной жизнью, спасает других — разве это не моральный поступок?

Старик. Я бы его таковым не назвал. Но когда трусливый человек преодолевает свой страх и делает то, о чем вы говорите, — вот это будет моральный поступок.

Баронесса. Я просила бы вас, дорогой друг, дать нам еще несколько примеров и пока что больше не вести с Луизой теоретических споров. Разумеется, природное влечение к добру в душе человека нас не может не радовать. Но нет на свете ничего более прекрасного, как влечение, направляемое разумом и совестью. Если у вас в запасе найдется еще одна история в этом роде, мы охотно бы ее послушала. Я очень люблю параллельные истории. Одна указывает на другую и объясняет ее смысл лучше всяких отвлеченных рассуждений.

Старик. Я бы мог рассказать целый ряд таких историй, ибо я всегда зорко присматривался к этим свойствам души человеческой.

Луиза. Я только прошу об одном. Признаюсь, что не люблю историй, которые переносят нас в чуждые страны. Почему все должно непременно случаться в Италии, в Сицилии или на Востоке? Разве Неаполь, Палермо и Смирна — единственные места, где может происходить что-нибудь интересное? Пусть место действия волшебных сказок переносится в Самарканд или Ормуз, давая пишу нашему воображению. Но ежели вы хотите воздействовать на наши умы и сердца, то познакомьте нас со сценами отечественной семейной жизни, и тогда мы скорее узнаем в них самих себя и, почувствовав себя задетыми, тем тревожнее и растроганнее на них откликнемся.

Старик. Постараюсь и в этом вам угодить. Только со «сценами семейной жизни» дело обстоит не так-то просто. Все они похожи одна на другую, и многие из них были уже хорошо разработаны и поставлены у нас на театре. Тем не менее я рискну рассказать вам одну историю — она похожа на то, что вы уже слышали, однако все-таки может оказаться для вас новой и интересной, ибо в ней подробно описано, что происходило в душах всех действующих лиц.

В семьях часто можно заметить, что дети наследуют черты отца или матери, как телесные, так и душевные; но нередко случается и так, что ребенок необычайным и удивительным образом соединяет в себе свойства обоих родителей.

Ярким примером тому явился молодой человек, коего я назову Фердинандом. Сложением своим он напоминал одновременно обоих родителей, и в его характере тоже можно было явственно различить их особые свойства. К нему перешел легкомысленный и веселый нрав отца, его стремление радоваться минуте, а также известная порывистость, заставлявшая его в некоторых случаях думать только о себе. От матери же он, казалось, унаследовал спокойную рассудительность, чувство правды и справедливости и склонность жертвовать собою ради других. Поэтому нетрудно заключить, что люди, имевшие с ним дело, не могли объяснить его поступки иначе, как прибегнув к предположению, что у этого молодого человека как бы две души.

Я пропускаю множество сцен, случившихся в его юности, и расскажу лишь об одном происшествии, выставяющем в ярком свете его характер и сыгравшем весьма значительную роль в его жизни.

С юных лет он привык жить в достатке, ибо родители его были богаты и вели такой образ жизни и так воспитывали своих детей, как то и подобает состоятельным людям; и если его отец тратил больше, чем надо, на светские развлечения, на карточные игры и модное платье, то мать, отличная хозяйка, умела так ограничивать повседневные расходы, что ей вскоре удавалось восстановить нарушенное равновесие, и семья никогда ни в чем не нуждалась. При этом отец был удачливым купцом, ему везло во многих весьма рискованных спекуляциях, и поскольку он любил вращаться среди людей, то и мог похвалиться обширными и полезными связями.

Дети, натуры неустоявшиеся, обыкновенно выбирают себе в доме примером того, кто в их глазах всего вольней живет и наслаждается. В отце, не отказывающем себе ни в чем, они видят готовый образец, по которому им надлежит строить свою жизнь; и поскольку они довольно рано приходят к такому убеждению, то их помыслы и желания растут несоразмерно возможностям их семьи. И вдруг оказывается, что им во всем чинят препятствия, тем паче что каждое следующее поколение скороспело предъявляет все новые и новые требования, а родители большею частью бывают готовы дать им лишь то, что сами они получали в прежнее время, когда люди жили проще и довольствовались малым.

Фердинанд рос с неприятным чувством, что ему часто недостает того, что он видит у своих товарищей. Он не хотел отставать от других в изяществе одежды, в известной вольности жизни и поведения: он хотел стать таким, как его отец, чей пример постоянно был у него перед глазами и кто казался ему образцом вдвойне, — во-первых, как отец, к которому сын обыкновенно питает особое пристрастие, во-

вторых, потому что мальчик видел, что он умеет сделать себе веселую, разгульную жизнь и при этом не теряет всеобщей любви и уважения. Поэтому у мальчика, как нетрудно догадаться, часто возникали ссоры с матерью, ибо он не желал донашивать отцовские сюртуки, а стремился всегда быть одетым по последней моде. Он быстро подрастал, а запросы его росли еще быстрее, так что, когда ему исполнилось восемнадцать лет, они оказались несоразмерны с его возможностями.

Долгов он до сих пор не делал, ибо мать внушила ему величайшее к ним отвращение и, пытаясь сохранить его доверие, во многих случаях всячески старалась удовлетворить его желания или выручить его из небольших затруднений. К несчастью, в то самое время, когда он, превратясь из мальчика в юношу, стал еще более следить за своей внешностью и, влюбившись в очень красивую девушку, которая вращалась в более высоком обществе, стремился быть не только не хуже остальных, но выделиться, превзойдя их во всем, его мать оказалась более стеснена в расходах по дому, чем когда бы то ни было, и вместо того, чтобы, как всегда, удовлетворить его нужды, принялась взывать к его разуму, его доброму сердцу, его сыновней любви и таким путем, убедив Фердинанда, но отнюдь не переделав, привела его в полное отчаяние.

Он не мог изменить свое существование, не потеряв разом всего, что было ему дороже жизни. С ранней юности врос он в привычный уклад, он мужал вместе со своими сверстниками и не мог теперь порвать ни одной нити, связывавшей его с друзьями, с обществом, с прогулками и удовольствиями, не утратив при этом какого-нибудь школьного товарища, друга детства, нового, особо ценимого знакомого и, что хуже всего, — свою возлюбленную.

Сколь высоко ставил он любимую, легко понять по тому, что она волновала его чувственность и его душу, льстила его тщеславию и самым светлым его надеждам. Одна из самых красивых, очаровательных и богатых девушек города отдавала ему, по крайней мере, в настоящий момент, решительное предпочтение перед многими его соперниками. Она разрешала ему почти что хвастать своим служением ей, и оба словно гордились цепями, которые сами же на себя наложили. И теперь он почитал своим долгом повсюду за нею следовать, тратить на нее и время и деньги и всячески показывать ей, как дорога ему ее милость и как необходимо обладание ею.

Эта привязанность и эти усилия требовали от Фердинанда более значительных трат, чем он делал бы в обычных условиях. Дело в том, что девушка, родители которой были в отъезде, жила на попечении довольно вздорной тетушки, и требовались всевозможные ухищрения и хитроумнейшие уловки, чтобы вывезти в общество Оттилию, служившую украшением любому собранию. Фердинанд всячески изошрялся, чтобы доставить ей развлечения, до которых она была большая охотница и которые она же и украшала своим участием.

И как раз в такое время услышать от любимой и высокочтимой матушки, что долг призывает его к другому; лишиться ее поддержки; испытывать живейшее отвращение к долгам, каковые и не могли бы прочно улучшить его положение; слыть среди окружающих богатым и щедрым и ежедневно испытывать острейшую нужду в деньгах, — было поистине мучительно для обуреваемого страстью молодого человека.

Известные представления, прежде лишь мимолетно возникавшие в его душе, теперь оседали в ней более прочно; мысли, тревожившие его всегда лишь на мгновение, теперь подолгу занимали его ум, а известные неприятные чувства становились все более устойчивыми и ожесточенными. Ежели раньше он видел в отце образец, то ныне завидовал ему, как сопернику. Всем, чего так жаждал сын, обладал отец; все, перед чем юноша так робел, легко тому давалось. И речь шла вовсе не о самом необходимом, а о том, без чего тот вполне бы мог обойтись. Тогда сын решил, что отец и в самом деле может иногда кое-чем пожертвовать и в его пользу. Отец держался другого мнения; он принадлежал к числу тех, кто много себе позволяет, а потому зачастую бывает вынужден во многом отказывать тем, кто от него зависит. Он предоставил сыну определенные средства и требовал полного, прямо-таки ежедневного отчета в расходах.

Ни от чего глаз человека не делается таким зорким, как от того, что его ущемляют. Поэтому женщины гораздо умнее мужчин; и поэтому же ни на кого подчиненные не смотрят так пристально, как на человека, который повелевает ими, не будучи сам примером. Так и в этом случае: сын стал зорко присматриваться ко всему, что делал отец, особенно когда тот тратил деньги. Он теперь внимательнее прислушивался, когда говорили, что отец проиграл или выиграл в карты; он строже судил отца, когда тот позволял себе какую-нибудь дорогостоящую затею.

«Разве это не дико, — рассуждал он сам с собой, — что родители, вволю наслаждаясь всеми радостями жизни, для чего им достаточно просто расточать богатство, которое им доставил случай, в то же время лишают своих детей самых естественных удовольствий, до коих молодежь так охоча? А по какому праву? И кто им дал это право? Неужели все решает только случай, да и может ли право возникнуть там, где властвует случай? Если бы жив был мой дедушка, который не делал разницы между своими детьми и внуками, мне жилось бы не в пример лучше, он не отказывал бы мне в самом необходимом, ибо разве не является необходимым то, что подобает нам по рождению и воспитанию? Дедушка не заставил бы меня прозябать в нужде и воспретил бы отцу проматывать деньги. Проживи он дольше, он убедился бы, что и внук его должен наслаждаться, тогда бы он, быть может, своим завещанием упрочил мое прежнее благополучие.

Я слышал, что смерть настигла дедушку как раз тогда, когда он намеревался составить завещание, и, быть может, только случай лишил меня причитающейся мне доли того состояния, которого я, если мой папаша будет так им распоряжаться и впредь, пожалуй, лишусь навсегда».

Таким и подобным софистическим рассуждениям о собственности и праве, о том, должен ли человек соблюдать закон или установление, за которое он не голосовал, и в какой мере дозволено ему потихоньку отступать от гражданского кодекса, Фердинанд нередко предавался в часы одиночества и крайнего раздражения, когда ему приходилось из-за недостатка наличных денег отказываться от увеселительной прогулки или другого удовольствия. Ибо те драгоценные вещицы, что у него были, он уже спустил, а его карманных денег никак не хватало.

Характер его стал замкнутым, и можно сказать, что в такие минуты он совсем не уважал свою мать, не желавшую ему помочь, и ненавидел отца, который, по его мнению, во всем становился ему поперек дороги.

Как раз к этому времени он сделал одно открытие, которое только усугубило его озлобленность. Он заметил, что его отец был не только плохим хозяином, но и беспорядочным человеком. Ибо он часто впопыхах, не записывая, брал деньги из своего письменного стола, а

и поведение отца ранило его особенно сильно, если как раз в то время, когда тот безвозбранно запускал руку в кассу, сам он испытывал острую нужду в деньгах.

Как раз когда он пребывал в таком мрачном расположении духа, произошел случай, открывший ему соблазнительную возможность сделать то, к чему он испытывал лишь смутное и неосознанное побуждение.

Отец поручил ему просмотреть и привести в порядок ящик со старыми письмами. Как-то в воскресенье, оставшись дома один, он нес этот ящик через комнату, где стоял секретер, содержащий в себе отцовскую кассу. Ящик был тяжелый, Фердинанд неловко взял его и хотел на минутку поставить или хотя бы к чему-нибудь прислонить. Не в силах удержать ящик, он ударил им об угол секретера так, что крышка его неожиданно приоткрылась. Тут юноша увидел перед собой свертки монет, на которые он до сих пор лишь изредка осмеливался бросить взгляд, и, поставив ящик, не раздумывая взял один сверток с той стороны, откуда, как ему казалось, отец брал деньги на свои прихоти. Он захлопнул крышку и попробовал еще раз-другой стукнуть ящиком об угол секретера — крышка неизменно отскакивала; дело было верное, все равно как если бы у него имелся ключ от секретера.

С нетерпением устремился он теперь навстречу удовольствиям, в коих до сего времени себе отказывал; стал еще более настойчиво ухаживать за своей красавицей и все, что бы ни затевал, делал с каким-то лихорадочным рвением. Нрав его, прежде живой и мягкий, стал порывистым, почти необузданным, что, правда, не вредило ему самому, но и никому не шло на пользу.

Для человека, одержимого страстью, случай то же, что искра, попавшая на полку заряженного ружья; а любая страсть, которую мы удовлетворяем вопреки совести, требует от нас чрезмерного напряжения физических сил; мы начинаем вести себя словно дикари, и такую необычность нашего поведения трудно скрыть от посторонних глаз.

Чем сильнее протестовал его внутренний голос, тем больше находил он себе надуманных оправданий; чем смелее и свободнее он действовал, тем болезненнее ощущал свою скованность.

Как раз в то время вошли в моду всевозможные недорогие безделушки. Оттилия очень любила украшения; Фердинанд искал возможность доставлять их ей, но так, чтобы сама Оттилия не знала, от кого эти подарки исходят. Подозрение пало на старого дядюшку, и Фердинанд радовался вдвойне, когда его возлюбленная восхищалась подарками и приписывала их дядюшке.

Однако для того, чтобы доставить себе и ей эту радость, он был вынужден еще несколько раз открывать отцовский секретер и делал это с тем большею беззаботностью, что отец нерегулярно клал и брал оттуда деньги, не внося свои расходы в книгу.

Вскоре за тем Оттилия должна была на несколько месяцев уехать к родителям. Молодые люди весьма опечалились, что им придется расстаться, а одно обстоятельство делало их разлуку еще горше. По случайности Оттилия узнала, что подарки ей преподносил Фердинанд, она потребовала от него объяснений, и когда он признался, очень на него рассердилась. Она настаивала на том, чтобы он взял их назад, и это требование причиняло Фердинанду жесточайшие муки. Он объявил ей, что без нее не может и не хочет жить, просил, чтобы она не лишала его своего расположения, и заклинал согласиться стать его женой, как только он будет обеспечен и обзаведется домом. Она любила его; она была растрогана, она обещала ему все, чего он желал, и в этот счастливый миг они скрепили свой союз самыми пылкими объятиями и тысячью нежных поцелуев. После ее отъезда Фердинанд почувствовал себя очень одиноким. В те дома, где он встречал ее, он больше не захаживал, — ведь ее там не было. Лишь по привычке посещал он теперь друзей и увеселительные места и лишь с отвращением еще несколько раз запускал руку в отцовскую кассу, чтобы покрыть расходы, к которым его уже никакие чувства не вынуждали. Он часто бывал один, и, казалось, доброе начало постепенно одерживает в нем победу. Спокойно поразмыслив на досуге, он ужаснулся тому, что мог столь холодно и криводушно обелять свой скверный поступок недостойными софизмами о праве и собственности, о притязаниях на чужое добро и как бы там ни назывались прочие рубрики. Все яснее становилось ему, что единственно честность и верность могут отличать человека и что хороший человек, собственно, должен жить так, чтобы праведностью своей посрамить все законы, хотя бы другой обходил их или пользовался ими для своей выгоды.

Но куда эти светлые и честные понятия в нем еще не укрепились и не привели к непреклонному решению, он не раз еще в затруднительных случаях поддавался искушению черпать из запретного источника. Но каждый раз делал это с отвращением, словно влекомый за волосы злым демоном.

Наконец Фердинанд, собравшись с духом, порешил навсегда пресечь себе доступ к отцовским деньгам, осведомив родителя о порче замка в его секретере. Он отменно справился с этой задачей: пронес через комнату ящик с уже разобранными письмами и с умышленной неловкостью в присутствии отца резко ударил им об угол секретера; и как же удивился отец, увидев, что крышка при этом внезапно отскочила. Они вместе осмотрели замок и нашли, что язычок его от времени износился, а хомутики расшатались. Замок был незамедлительно исправлен, и Фердинанд давно уже не испытывал такого облегчения, как теперь, убедившись, что деньги в надежной сохранности.

Но на этом он не успокоился. Он тотчас же принял решение возместить похищенную сумму (по счастью, он помнил какую), скопив ее любым способом. С этого дня он стал во всем соблюдать умеренность и откладывать из своих карманных денег, сколько было возможно. Правда, это составляло ничтожную малость сравнительно с тем, что он себе присвоил, но эта сумма все же казалась ему значительной, ибо то был первый шаг к тому, чтобы загладить свой проступок. И то сказать, разница между последним талером, тобою взятым, и первым, который ты отдал, — огромна.

Вскоре после того, как Фердинанд вступил на добрый путь, отец решил отправить его в поездку по торговой части. Фердинанду предстояло ознакомиться с делами одной фабрики, находившейся в отдаленном крае. Речь шла о том, чтобы открыть в местах, где предметы первой необходимости и ручной труд были необыкновенно дешевы, свою контору, посадить там компаньона, самим извлекать прибыль, пока что достававшуюся другим, и с помощью наличного капитала и кредита значительно расширить предприятие. Фердинанду надлежало всесторонне изучить условия на месте и составить обстоятельный отчет. Отец дал ему денег на путевые расходы, приказав обойтись таковыми. Отпущенная сумма была изрядна, Фердинанду жаловаться не приходилось.

И во время этой поездки Фердинанд был очень бережлив, считал и пересчитывал свои деньги и пришел к выводу, что если он и дальше будет себя ограничивать, то сможет отложить треть выданных ему денег. Он твердо надеялся, что случай поможет ему постепенно дополнить недостающую сумму, и такой случай и впрямь представился. Ведь Фортуна — равнодушная богиня, она равно благоволит и к добрым и к злым.

В той местности, куда он приехал, условия оказались намного благоприятнее, чем предполагалось. Работа велась по-старинке, вручную и кое-как. О выгодных новшествах здесь ничего не знали, во всяком случае, никто еще не умел ими воспользоваться. Владельцы фабрики вкладывали в дело лишь умеренные суммы денег, довольствуясь самой умеренной прибылью; Фердинанд сразу сообразил, что при вложении большого капитала и загоня произведенных оптовых закупках сырья, а также установке новейших машин, можно будет, с помощью опытных мастеров, превратить фабрику в солидное предприятие.

Мысль об ожидавшей его деятельности заметно подняла дух Фердинанда. Прекрасная природа этого края, где неотступно витал перед ним дивным образом возлюбленной Оттилии, возбудила в нем желание, чтобы отец позволил ему здесь обосноваться, доверил бы ему это новое дело, тем самым предоставив ему неожиданное и богатое обеспечение.

Тем усерднее входил он во все детали дела, как бы считая себя уже душой предприятия. Здесь он имел случай впервые применить свои знания, свои умственные способности, свои смелые идеи. Его бесконечно интересовала сама местность и все, что он хотел бы в нее привнести. Все здесь улаживало и врачевало его израненное сердце. Он уже не мог без душевной боли вспоминать отцовский дом, где он, словно в каком-то бреду, позволял себе поступки, ныне казавшиеся ему величайшим преступлением.

Старый друг их семьи, человек дельный, но болезненный, первым в своих письмах подавший мысль о возможных преобразованиях, был большой подмогой Фердинанду: все ему показывал, посвящал его в свои замыслы и радовался, что молодой человек так быстро подхватывал, а иной раз и предупреждал его мысли. Человек этот вел весьма простой образ жизни, частью по склонности, частью же потому, что этого требовало его здоровье. Детей у него не было, при нем жила и за ним ухаживала племянница и наследница всего его состояния, которой он хотел подыскать хорошего и дельного мужа, дабы с помощью свежих сил и с притоком новых средств осуществить свой давний замысел, что ему одному при его малых физических и экономических возможностях никак не могло удасться.

При первой же встрече с Фердинандом он показался ему тем человеком, которого он искал, и эта надежда в кем еще более укрепилась, когда он заметил, как искренне увлечен этот юноша и делом, и их восхитительным краем. Дядя приоткрыл племяннице свои планы, и та как будто бы им не противилась. То была статная молодая девушка, здоровая и во всех отношениях приятная. Ведение хозяйства в доме дядюшки заставляло ее неизменно быть проворной и деятельной, а забота о его здоровье — мягкой и услужливой. Нельзя было выбрать себе в супруги создание более совершенное.

Фердинанд, у которого на уме была лишь любовь к прелестной Оттилии, не замечал славной деревенской девушки, и разве что подумывал найти в ней желанную экономку и ключницу для своей Оттилии, когда та поселится в этих местах в качестве его супруги. Он непринужденно отвечал на радушие и любезности милой девушки, а узнав ее ближе, научился ее ценить и стал ей выказывать подобающее уважение, что она и ее дядюшка истолковали в свою пользу.

Теперь Фердинанд со всем ознакомился и во всем разобрался. С помощью дяди он составил обширный план преобразований и со свойственной ему беспечностью объявил, что рассчитывает сам приняться за его осуществление. В то же время он наговорил племяннице кучу любезностей и сказал, что любой дом, вверенный такой заботливой хозяйке, можно почитать счастливым. Она и ее дядя из этого заключили, что у него и впрямь серьезные намерения, и стали к нему еще внимательней.

Во все вникнув, Фердинанд пришел к радостному убеждению, что здешние места не только много сулят ему в будущем, но что он может уже и сейчас благодаря выгодной сделке возместить отцу похищенную сумму и тем самым сразу избавиться от гнетущей его тяжести. Он посвятил своего старшего друга в задуманную им операцию, каковую тот чрезвычайно одобрил и даже предложил Фердинанду пользоваться полным его кредитом, на что Фердинанд, однако, не согласился: часть суммы он выплатил сразу из неизрасходованных дорожных денег, остальное обещал погасить в обусловленные сроки. Не поддаваясь описанию, с какою радостью приказал он упаковывать и грузить товары и с каким удовлетворением пустился в обратный путь, ибо что может сравниться с высоким чувством, какое испытывает человек, когда ему удастся собственными усилиями загладить допущенную ошибку, если не преступление. Хороший человек, который идет путем добродетели без каких-либо заметных отклонений, по праву пользуется репутацией честного, степенного гражданина. Иначе обстоит дело с человеком, однажды оступившимся, но возвратившимся на праведную стезю: им восхищаешься, как героем и победителем. В этом смысле, видимо, и следует понимать парадоксальное изречение: господу один раскаявшийся грешник дороже девяноста девяти праведников.

Но, увы! Ни покаяние, ни решение исправиться, ни возвращение похищенного не избавили Фердинанда от печальных последствий его дурного поступка, последствий, ожидавших его дома и вновь больно ранивших его душу, только-только было успокоившуюся. За время его отсутствия собралась гроза, которая не замедлила разразиться, едва он переступил порог родительского дома.

Отец Фердинанда, как мы знаем, не отличался аккуратностью в том, что касалось его личной кассы, зато его торговые дела с большой пунктуальностью вел умелый и точный во всем приказчик. Старик даже не заметил пропажи денег, взятых его сыном, но, на беду, среди этих денег был мешочек с монетами, не имевшими хождения в том крае, некогда выигранными у одного проезжего. Этого мешочка он хватился, и его отсутствие показалось ему подозрительным. Но что его крайне обеспокоило, так это пропажа нескольких свертков, по сто дукатов в каждом, которые он давал займы, но наверняка получил назад. Он помнил, что секретер раньше открывался от удара, и, убедившись в том, что его обокрали, пришел в сильнейшее раздражение. Подозрение его падало по очереди на всех, кто его окружал. Среди гневных угроз и проклятий он рассказал о происшедшем жене; говорил, что перевернет все в доме вверх дном, подвергнет допросу всех слуг, служанок и детей, — никто не был избавлен от его подозрений. Добрая женщина сделала все, что было в ее силах, чтобы успокоить мужа; она воочию представила ему, в какое ложное и неприятное положение поставит он себя и свой дом, если история эта получит огласку. Если кто и посочувствует постигшему их несчастью, то лишь для того, чтобы этим же их и унижить; что молва не пощадит ни его, ни ее, а если расследование не даст результата, то люди будут строить самые чудовищные предположения; что скорей

всего все же удалось найти виновного и, не делая его несчастным на всю жизнь, вернуть себе деньги. Такими и подобными доводами она убедила супруга не поднимать шума и попробовать спокойно разобраться в случившемся.

И, к несчастью, разгадка не заставила себя долго ждать. Тетке Оттилии стало известно о клятве, которой связали себя молодые люди. Она знала о подарках, которые приняла ее племянница. Вся эта история была ей неприятна, и она молчала лишь потому, что ее племянница была в отъезде. Прочный союз с Фердинандом представлялся ей выгодным, но мимолетного увлечения она терпеть не желала. Она слышала, что молодой человек скоро возвратится, и поскольку со дня на день ожидала также приезда племянницы, то и поспешила уведомить о случившемся родителей Фердинанда, дабы узнать их мнение на этот счет и спросить, можно ли надеяться на скорое обеспечение Фердинанда и согласны ли они на брак их сына с ее племянницей.

Мать Фердинанда немало удивилась, узнав об этих отношениях. Она испугалась, услышав, какие подарки сделал он Оттилии. Скрыв свое изумление, она попросила тетку дать ей время, чтобы при случае переговорить с мужем об этом деле, и заверила, что считает Оттилию хорошей партией для сына и что его, наверное, можно будет вскорости подобающим образом обеспечить.

Когда тетка удалилась, она не сочла разумным сразу же поверять свое открытие мужу. Теперь ей непременно надо было раскрыть злосчастную тайну уж не оплачивал ли Фердинанд, как она опасалась, эти подарки крадеными деньгами. Она поспешила к купцу, торговавшему преимущественно такими украшениями, стала прицениваться к некоторым вещцам и сказала ему, что он запрашивает ее слишком высокую цену, ее сыну, покувавшему у него эти вещи по ее поручению, он-де продавал их дешевле. Купец ответил решительным «нет!». Точно назвал ей цены и добавил: «Надо учесть еще разницу в деньгах, ибо часть суммы Фердинанд оплачивал в другой валюте». К ее величайшему огорчению, он назвал ей вид валюты, и это были те самые деньги, какие пропали у отца.

С тяжелым сердцем она покинула лавку, попросив для отвода глаз назвать ей окончательную цену. Вина Фердинанда сомнений не вызывала, сумма, коей недосчитался отец, была велика, и своим трезвым рассудком она видела всю недостойность сыновнего поступка и его ужаснейшие последствия. У нее хватило ума утаить свое открытие от мужа; она ожидала возвращения сына со смешанным чувством страха и нетерпения, жаждала выяснить истину и боялась узнать наихудшее.

Наконец он приехал домой в самом веселом расположении духа. Он ждал похвал за удачно выполненное поручение, к тому же он привез в виде товаров деньги, которые, как он надеялся, освободят его от вины за совершенное втайне преступление.

Отец выслушал его отчет благосклонно, хотя и не с таким одобрением, какого он был вправе ожидать: пропажа денег его озлобила и сделала рассеянным, тем более что как раз в это время он должен был израсходовать значительные суммы. Такое настроение отца очень угнетало Фердинанда, еще больше угнетали его стены, мебель, бывшие свидетелями его преступления. Вся его радость улетучилась, а также и все его надежды и притязания; он считал себя подлым, пропавшим человеком.

Фердинанд собирался было потихоньку заняться поисками сбыта товаров, которые вскоре должны были прибыть, и этой деятельностью поправить свои плачевные дела, когда матушка отозвала его в сторону и хоть и с любовью, но серьезно выставила перед ним его проступок, не оставив ни малейшей возможности для запирательства. Его мягкое сердце дрогнуло; проливая потоки слез, он бросился к ее ногам, признался во всем, просил прощения, заверяя, что только любовь к Оттилии могла толкнуть его на такой шаг и что он никогда, никогда не запятнал себя никаким другим пороком. Затем он рассказал матери о своем раскаянии, о том, что он намеренно показал отцу, как легко открывается секретер, и что благодаря своей бережливости за время поездки и удачной спекуляции считает себя в силах возместить похищенное.

Мать, которая не могла сразу ему уступить, требовала, чтобы он сказал, куда девал такие большие суммы, ибо подарки составляли ничтожную их часть. К его ужасу, она показала ему подсчет, сколько недоставало в отцовской кассе; он не мог взять на себя даже похищение всего серебра, он клялся всем святым, что к золоту не прикасался вовсе. Мать очень рассердилась. Она стала выговаривать ему, что в ту минуту, когда искренне раскаявшись, он, вероятно, мог бы стать на путь исправления и очищения, он пытается обмануть свою любящую мать запирательством и лживыми баснями. Ей ли не знать, что тот, кто совершил один проступок, способен и на другой? Наверно, у него есть соучастники среди его беспутных товарищей, быть может, и торговая сделка, которую он заключил, совершена на украденные деньги. Вряд ли бы он признался в своей краже, если бы случай не выдал его преступления. Она угрожала ему гневом отца, уголовным преследованием, изгнанием из порядочного общества. Но ничто его так не потрясло, как то, что со слов матери он понял: его связь с Оттилией стала предметом городских толков. Взволнованная до глубины души, мать ушла, оставив сына в самом удрученном состоянии. Он видел, что его грех обнаружен, что его подозревают в преступлениях более тяжких, чем те, какие он совершил. Как ему убедить родителей в том, что он не трогал золота? Зная вспыльчивый нрав отца, он опасался бурной сцены. Все сложилось противоположно тому, как он рассчитывал. Надежды на деятельную жизнь, на брак с Оттилией рухнули. Он уже видел себя отверженным семьей скитальцем, претерпевающим все невзгоды изгнания. Но даже не эти мрачные предвидения, ранившие его гордость, оскорблявшие его чистую любовь, были для него самым тягостным. Глубже всего его уязвила мысль, что его честное намерение, его мужественная решимость исправить суровым трудом и воздержанием свой грех, свое преступление не признаны, более того — превратно истолкованы. Предстоявшая ему печальная участь приводила его в отчаяние, и все же он не мог не сознавать, что он ее заслужил. Сильнее поразила его душу постигнутая им печальная истина, что одно-единственное злодеяние способно свести на нет самые добрые намерения человека. Горестное открытие, что все его благороднейшие стремления оказались напрасными, его сразило. Ему не хотелось больше жить.

В это мгновение душа его возжаждала помощи свыше. Он опустился на колени возле своего стула и, орошая его слезами, молил о помощи вседержителя. Молитва его была достойна внимания: тот, кто сам сумел возвыситься над своим пороком, кто употребил без остатка все свои силы на искупление совершенного, вправе уповать на помощь отца небесного в минуту, когда силы эти иссякают, когда все они уже израсходованы.

Так он простоял немалое время, погруженный в горячую молитву, и даже же заметил, как отворилась дверь и кто-то вошел к нему в комнату. Это была его мать; она приблизилась к сыну с сияющим лицом и, увидев, в каком он состоянии, обратилась к нему со словами утешения: «Как я счастлива, — сказала она, — что ты, по крайней мере, не оказался лжецом и что я могу теперь верить в искренность твоего раскаяния. Золото нашлось: отец, получив его обратно от своего друга, отдал его на сохранение кассиру и, занятый множеством



повседневных дел, совсем не позабыл. Что касается серебра, то твои показания почти соответствуют действительности: сумма оказалась гораздо меньше. Я не могла скрыть от отца своей радости и обещала ему вскоре доставить недостающую сумму, если он пообещает мне успокоиться и больше не расспрашивать о пропаже».

У Фердинанда отчаяние мгновенно сменилось бурной радостью. Он поспешил завершить свои торговые дела и, вручая матери деньги, заплатил даже то, чего не брал, но что не значилось в расходной книге из-за отцовской небрежности. Фердинанд был весел и доволен, но все, что с ним произошло, оставило глубокий след в его душе. Он убедился, что человек в силах возжелать добро и осуществить его, и отныне он верил, что человек может уповать на милость господню, каковую он и сам только что испытал на себе. С большой радостью он открыл теперь отцу свои надежды поселиться в тех местах, куда он недавно ездил. Он убедил его в истинной ценности задуманного им предприятия. Отец с ним во всем согласился, тем более что мать сообщила ему по секрету об отношениях Фердинанда к Оттилии. Отцу пришлось по душе такая блистательная невестка, а перспектива устроить сына без всяких затрат показалась весьма соблазнительной.

— Эта история мне понравилась, — сказала Луиза, когда старик умолк. — Хотя рассказ взят из обыденной жизни, он все же не кажется мне обыкновенным. Ибо, сверившись с собственным опытом и понаблюдав за другими, мы невольно убеждаемся, как редко мы отказываем себе в том или ином: желании по собственному побуждению, чаще всего нас принуждают к тому внешние обстоятельства.

— Я хотел бы, — сказал Карл, — чтобы нам вовсе не приходилось в чем-то себе отказывать за полным незнанием чего-либо, чем мы не могли бы обладать. Но, к сожалению, мир так тесен: все засажено и засеяно, все деревья увешаны плодами, так что нам остается только прогуливаться под ними, довольствуясь их тенью и не помышляя о лучших наслаждениях.

— Позвольте же нам, — обратилась Луиза к старику, — дослушать вашу историю.

Старик. Сказать по правде, она уже окончена.

Луиза. Как развивались события, мы слышали, но нам хотелось бы выслушать и заключение.

Старик. Вы правильно отличаете смысл рассказа от его развязки, но раз уж вас интересует судьба моего друга, я коротко расскажу и то, что произошло с ним в дальнейшем.

Избавившись от гнетущего бремени совершенного им проступка, Фердинанд не без некоторого самодовольства стал помышлять о предстоящем ему счастье и с нетерпением ожидать возвращения Оттилии, чтобы с ней объяснить и точно сдержать данное ей слово. Она приехала вместе с родителями; он поспешил с нею увидеться и нашел ее более красивой и веселой, чем когда-либо. Как хотелось ему поговорить с нею наедине и поведать ей свои замыслы! И желанный час наступил: со всем восторгом и нежностью влюбленного он рассказал ей о своих надеждах, о радостях близкого счастья и о желании разделить его с нею. Но как же он был удивлен, как расстроен, когда она отнеслась к его словам легкомысленно, можно сказать, даже насмешливо. Она довольно язвительно подшучивала над той пустошью, которую он себе выискал, и над смехотворной ролью, которую предстоит им разыгрывать под соломенной кровлей в качестве пастуха и пастушки, и так далее, и тому подобное.

Оскорбленный и рассерженный ее поведением, он замкнулся в себе, и пыл его сердца на мгновение явно поубавился. Она была к нему несправедлива, и он тут же начал замечать в ней недостатки, которые раньше ему не открывались. Да и не требовалось особенной зоркости, чтобы заметить, что так называемый кузен, с нею вместе приехавший, успел привлечь к себе ее внимание и приобрести значительную долю ее расположения.

Несмотря на нестерпимую боль, какую испытывал Фердинанд, он все же взял себя в руки, и ему показалось, что, однажды пересилив себя, он сможет сделать это и во второй раз. Он часто видался с Оттилией и заставлял себя зорко наблюдать за ней; он старался быть ласковым, даже нежным с нею, и так же вела себя и она, но ее прелести потеряли былую власть над ним, и очень скоро он почувствовал, что у нее мало что шло от сердца: она могла быть холодна и нежна, очаровательна и отталкивающая, обходительна и капризна, как ей заблагорассудится. Душа Фердинанда все более освобождалась от ее чар, и вот он решился порвать и последние нити, которые его к ней еще привязывали.

Эта операция оказалась, однако, более мучительной, чем он предполагал. В один прекрасный день он застал ее одну и набрался духу напомнить ей о данном ею слове и вызвать в ее памяти те мгновенья, когда они оба, охваченные нежным чувством, уговорились касательно их будущей жизни. Она была с ним ласкова, можно сказать, даже неясна; смягчился и он и вновь пожелал на краткий миг, чтобы все сложилось иначе, чем он вообразил. Но он тут же взял себя в руки и спокойно, с любовью поведал ей план переустройства всей своей жизни. Она, казалось, радостно с ним согласилась и только слегка сожалела, что брак их по этой причине придется надолго отложить. Она дала ему понять, что не имеет ни малейшей охоты покинуть город, и выразила надежду, что, проработав несколько лет в тех отдаленных местах, он сможет занять выдающееся положение среди своих теперешних сограждан. Она недвусмысленно намекнула, чего ждет от него в будущем: он-де должен превзойти своего отца и добиться еще большего почета и богатства.

Слишком ясно почувствовал Фердинанд, что от подобного союза счастья ждать не приходится, и все же нелегко дался ему отказ от этой обольстительной девушки. Быть может, он еще долго пребывал бы в нерешительности, если б не этот кузен, выказывавший в обращении с Оттилией чрезмерную интимность. Фердинанд написал ей письмо, в котором еще раз ее заверял, что она его осчастливит, если последует за ним к месту его назначения, но что он не считает разумным для них обоих тешить себя надеждой на далекое будущее и связать себя словом на неопределенное время.

Он все еще желал благоприятного ответа на свое письмо, однако ответ был не таким, какой могло бы одобрить его сердце, но тем более таковой одобрял его разум. Оттилия в весьма изящных выражениях возвращала ему его слово, не вполне отпуская от себя его сердце; в таком же роде говорила записка и об ее чувствах; по смыслу она оставалась с ним еще связанной, но по слову уже свободной.

Зачем мне вдаваться в подробности? Фердинанд поспешил уехать в любезные ему тихие края; все устроилось, как он задумал; он был прилежен и аккуратен, тем более что добрая простая девушка осчастливила его, став его женой, а старый дядюшка делал все, чтобы

обеспечить в его доме прочный достаток и уют.

Я познакомился с Фердинандом гораздо позже, когда он был уже окружен многочисленной дружной семьей. Он сам рассказал мне свою историю, и как бывает с людьми, с которыми в юности случилось что-то значительное, так и в нем эта история запечатлелась столь глубоко, что оказала большое влияние на всю его жизнь. Даже будучи зрелым мужем и отцом семейства, он нередко отказывал себе в том, что могло бы доставить ему удовольствие, лишь для того, чтобы не разучиться применять столь высокую добродетель, да и все воспитание его детей до известной степени было основано на том, чтобы они в любую минуту умели в чем-то себе отказать.

Так он — чего я в душе не мог одобрить — запретил за столом одному из мальчиков отведать любимое блюдо. Но мальчик, к моему удивлению, сохранил веселое настроение, словно бы ничего не случилось.

Бывало, что и старшие дети по собственному почину отказывались от редких плодов или другого отменного лакомства, зато отец в остальном позволял им, можно сказать, что угодно, и в его доме, чередуясь, царили послушание и непослушание. Казалось, все прочее было ему безразлично: он предоставлял своим детям почти ничем не обузданную свободу, но иногда, примерно раз в неделю, ему приходило в голову, что все должно делаться минута в минуту; тотчас же с самого утра сверялись часы, каждый получал свой урок на лень, дела и развлечения подчинялись строгому расписанию, никто не смел опоздать ни на секунду. Я бы мог часами рассказывать о его беседах со мной касательно его системы воспитания. Он подшучивал надо мною, католическим священником, и над моими обетами и утверждал, что, собственно, каждый человек должен вменить в долг себе обет воздержания, а другим — обет послушания, но не для того, чтобы неизменно соблюдать его, а чтобы руководствоваться им в надлежащее время.

Баронесса с некоторыми оговорками признала, что в общем-то друг священника был прав. Ведь и в государстве дела вершатся исполнительной властью и от законодательной власти, сколь ни была бы она разумна, государству не будет пользы, если власть исполнительная окажется недостаточно сильной.

Луиза вдруг бросилась к окну, услышав, как во двор въехал Фридрих. Она поспешила ему навстречу и тут же вместе с ним вернулась в комнату. Вид у Фридриха был бодрый и веселый, хоть он и посмотрелся страшных картин людских горестей и непоправимых опустошений. Вместе того чтобы подробнее рассказать о пожаре, не пощадившем дома их тетушки, он возвестил не без гордости, что его предположение подтвердилось: тетушкино бюро сгорело в тот самый час, когда в здешнем образовалась эта страшная трещина.

— В миг, когда огонь уже подбирался к той самой комнате, — рассказывал он, — управляющему еще удалось спасти часы, стоявшие на бюро. При переноске в их механизме что-то сдвинулось, и часовые стрелки точно остановились на половине двенадцатого. Так что по времени, по крайней мере, эти два события полностью совпали.

Баронесса улыбнулась; учитель заявил, что, если две вещи совпадают, это еще ничего не говорит об их взаимосвязи. Луизе, напротив, понравилась мысль о существующей связи этих явлений, тем более что она получила утешительные вести о ее женихе, что дало лишний повод для свободной игры воображения.

— Не можете ли вы, — обратился Карл к старику, — рассказать нам какую-нибудь сказку? Сила воображения — вещь, конечно, прекрасная, но я не люблю, когда фантазия привносится в реальную жизнь; воздушные создания сказки милы нам, как существа совсем особого рода, но когда их сопрягают с действительностью, это нередко порождает чудовищ вступающих в противоречие с разумом и здравым смыслом. Мне думается, воображение не должно цепляться за предметы в не должно их нам навязывать, ему следует, создавая произведения искусства, играть, подобно музыке, на нас же самих, приводить в движение наши сокровенные чувства, да так, чтобы мы позабыли, что существует что-то вне нас, вызывающее все наши волнения.

— Можете не продолжать, — сказал старик. — Не надо так подробно излагать свои требования, предъявляемые к порождениям фантазии. Наслаждение таковыми как раз в том и состоит, чтобы наслаждаться, ничего не требуя. Ведь и само воображение ничего не может требовать, а должно ждать, что судьба ему подарит. Оно не строит планов, не намечает путей, а взмывает ввысь на собственных крыльях и, ширяя туда и сюда, вычерчивает причудливые линии, которые то и дело меняют свое направление и становятся все чудеснее. Позвольте же мне во время обычной моей прогулки сперва оживить в душе те удивительные образы, что меня не переставали занимать в более ранние годы. Сегодня вечером я обещаю вам сказку, которая напомнит вам обо всем и ни о чем.

Старика охотно отпустили, тем более что каждому хотелось узнать от Фридриха разные новости, приключившиеся тем временем на белом свете.

## СКАЗКА

У перевоза через широкую реку, что вздулась после недавнего ливня и вышла из берегов, спал в своей лачуге перевозчик, притомившийся за день от тяжелой работы. Среди ночи его разбудили громкие голоса; он понял, что это путники, которым надо на тот берег.

Он вышел из хижины и увидел, как над стоящей на привязи лодкой реют два больших блуждающих огня. По их словам, они очень спешили переправиться на тот берег. Не мешкая, спустил старик лодку на воду и со свойственным ему умением стал грести наперерез течению, а его пассажиры меж тем шушукались и шептались на неведомом ему языке, то и дело громко чему-то смеясь и весело прыгая туда и сюда: с бортов лодки на скамью, со скамьи на дно и снова на борт.

— Эй вы, непоседы! — крикнул старик. — Лодку качает, если вы не уймётесь, она, того и гляди, перевернется. Сидите смиренно!

В ответ на эти слова они расхохотались, высмеяли старика и запрыгали пуще прежнего. Первозчик не рассердился на озорников и немного погодя причалил к берегу.

— Вот вам за труды! — крикнули его пассажиры и принялись прыгать и отряхиваться, и тут в сырую лодку посыпались золотые монеты.

— Ради всего святого, что вы делаете! — крикнул старик. — Погубить меня хотите? Река не терпит этого металла. Упади хоть один золотой в воду, она разбухнет, подымутся огромные волны и погубят меня вместе с лодкой. Неизвестно, как бы туго тогда вам пришлось; забирайте скорей обратно свое золото.

— Мы не можем забрать обратно то, что вытряхнули, — возразили они.

— Так, выходит, мне из-за вас еще и трудиться придется: собрать все червонцы, отвезти на берег и зарыть, — сказал перевозчик и тут же нагнулся и стал подбирать в шапку червонцы.

Блуждающие огни выпрыгнули из лодки.

— А плата за переезд где? — крикнул старик.

— Кому золото не нужно, пусть работает даром! — крикнули в ответ блуждающие огни.

— Вы должны знать, что за переезд мне платят только плодами земли.

— Плодами земли? Да мы их презираем, даже не отведали ни разу!

— И все же я не могу отпустить вас, пока вы не пообещаете дать мне три кочана капусты, три артишока и три крупные луковки.

Блуждающие огни хотели уже отшутиться и улизнуть, да не тут-то было, они почувствовали, как непонятно почему вдруг словно приросли к земле. Такого неприятного ощущения они никогда еще не испытывали. Вот они и пообещали в ближайшие же дни выполнить его требование; он отпустил их и оттолкнулся от берега.

Лодка была уже далеко, когда огни крикнули ему вдогонку:

— Старик, эй, старик! Послушайте! Мы забыли самое главное!

Старик уехал и не услышал их зова. Он плыл вдоль берега вниз по течению, к недоступным для волн горным склонам, где надумал отделаться от опасного золота. Там среди высоких скал он нашел глубокую расселину, сбросил в нее червонцы и поплыл к своей лачуге.

В этой расселине жила красивая зеленая змея; проснувшись от звука падающих монет и увидя светящиеся кружочки, она тут же с жадностью накинулась на них и проглотила, а затем, внимательно осмотрев все кусты, все трещины в скалах, отыскала и те золотые монеты, что попали туда.

Не успела она их проглотить, как с великой приятностью почувствовала, что они тают у нее внутри и растекаются по всему телу, и, к вящей своей радости, заметила, что сама стала прозрачной и вся светится. Давно уже уверяли ее, будто подобное явление возможно, однако она сомневалась, сколь продолжительным может быть такое свечение, и посему, побуждаемая любопытством и желанием получить уверенность на будущее время, выползла из расселины, дабы выяснить, кто выбросил в пропасть такое чудесное золото. Она не нашла никого; но как же приятно было ей, проползая среди трав и кустов, любоваться на себя и на тот прелестный свет, который она озаряла молодую зелень. Листья казались смарагдами, а цветы дивно светились. Напрасно исползала она дикие скалы, так никого и не найдя; как же зато вспыхнула в ней надежда, когда, взобравшись наверх и оглядевшись, она завидела вдали какое-то сверкание, похожее на тот свет, что излучала сама. «Неужели я наконец обрела себе подобных!» — воскликнула она и поспешила туда. Невзирая на трудности, переползала она через болота, пробиралась сквозь заросли тростника, ведь хотя всего отрадней была ей привычная жизнь на сухих горных лугах или в расселинах высоких скал, хотя всего охотнее лакомилась она душистыми травами, утоляла жажду вкусной росой и прохладной родниковой водой, все же ради милого ее сердцу золота, ради надежды сохранить навсегда обретенное ею великолепное сияние она согласна была на все, что бы от нее ни потребовалось.

Изнемогая от усталости, добралась она наконец до сырой низины, поросшей осокой, где весело плясали уже знакомые нам блуждающие огоньки. Она устремилась к ним, поздоровалась и выразила свою радость от встречи со столь приятными господами, да к тому же еще ее родичами. Оба огонька, носясь, чуть касались змеи, перепрыгивали через нее и, как обычно, смеялись.

— Любезная сестрица, — сказали они, — пусть вы и принадлежите к линии горизонтальной, это значения не имеет. Мы, правда, родня, но только по мерцанию, вот поглядите (тут оба огня в ущерб полноте погнались за высотой и принялись что было сил вытягиваться и вытягивались до тех пор, пока не стали длинными-предлинными и даже заострились), видите, как нам, представителям вертикальной линии, к лицу стройность и высокий роет. Не в обиду вам, голубушка, будь сказано, какая другая фамилия может похвалиться тем же? С той поры как мы, блуждающие огни, существуем, ни одна из нас ни разу не присел и не прилег.

Присутствие этих родственников змею очень смуцало: как она ни старалась поднять голову повыше, она все же чувствовала, что вынуждена будет пригнать ее к земле, иначе ей не сдвинуться с места, и если до того в темных зарослях она себе чрезвычайно нравилась, то здесь, в присутствии этих родичей, ее блеск, казалось, с каждой минутой тускнел; ее даже брал страх, как бы в конце концов он совсем не угас.

Дабы выйти из такого затруднительного положения, она поспешила спросить, не могут ли господа огоньки сообщить ей, откуда взялись те блестящие золотые монеты, что давеча посыпались в расселину между скалами; она полагает, не иначе как золотой дождь накапал их прямо с неба. Блуждающие огни рассмеялись, встряхнулись, и вокруг них запрыгала уйма червонцев. Змея тут же кинулась их глотать.

— Кушайте на здоровье, сестрица! — сказали учтивые кавалеры. — Мы можем вас и еще угостить.

Они опять и опять проворно встряхнулись, и змея едва поспевала глотать драгоценное яство. Она светлела на глазах и теперь излучала действительно великолепное сияние, а блуждающие огоньки похудели и стали ниже ростом, однако ей на йоту не утратили веселости.

— Я навеки вам обязана, — сказала змея, переводя дух после обильной трапезы. — Требуйте, чего только пожелаете, — что в моих силах, все выполню.

— Вот и прекрасно! — воскликнули блуждающие огни. — Скажи, где живет прекрасная Лилия? Проведи нас как можно скорее во дворец и сад прекрасной Лилии. Мы горим нетерпением преклониться перед ней.

— Оказать вам эту услугу сейчас я не могу. К сожалению, прекрасная Лилия живет на том берегу.

— На том берегу? А мы-то в эту бурную ночь переправились через реку! Как жестока река, что нас разлучает. Нельзя ли снова вызвать старика?

— Ничего не выйдет! — возразила змея. — Даже если бы он сам был тут, у этого берега, он не посадил бы вас к себе в лодку. Он кого угодно перевозит на эту сторону, но никого на ту.

— Да, плохи наши дела! А иным путем переправиться нельзя?

— Можно, и не одним, но только не сейчас, я сама могу переправить вас, господа, но только в полдень.

— В эту пору дня мы неохотно пускаемся в путь.

— Тогда можно переправиться вечером по тени великана.

— А как это сделать?

— Тело великана, что живет неподалеку отсюда, никак не слушается: рукам его и соломинки не поднять, плечам и вязанки хвороста не снести. Зато его тени, можно сказать, все под силу. Вот потому-то на заре и закате в нем всего более мощи; вечером достаточно сесть на тень от его затылка, великан потихоньку пойдет к берегу, и тень перенесет путника через реку. А если вы соизволите в полуденную пору прийти вон туда, к тому краю леса, где кусты доходят до самой реки, так я и сама вас переправлю и представлю прекрасной Лилии. А ежели полуденный зной вас пугает, то отыщите вон в той бухте меж скал великана, и он охотно окажет вам эту любезность.

Молодые люди откланялись и ушли, а змея была рада, что рассталась с ними, как потому, что хотела насладиться собственным светом, так и потому, что хотела удовлетворить уже давно донимавшее ее любопытство.

Ползая в скалистых ущельях, она сделала поразительное открытие. Хотя по этим теснинам приходилось ей ползать впотьмах, она все же умела осязанием распознавать предметы. Обычно она повсюду встречала естественные произведения природы, не подчиненные строгим правилам обработки: она то скользила между зубцами крупных кристаллов, то осязала зазубрины и волокна серебряных самородков и выносила на свет какой-нибудь самоцветный камешек. И вот, к великому своему удивлению, в не доступной ниоткуда скале она ощутила предметы, говорящие, что они созданы руками человека: гладкие стены, по которым она не могла вползти наверх, ровно обточенные края, правильной формы колонны, но что поразило ее больше всего, — так это человеческие фигуры, которые, обвинившись несколько раз вокруг них, она сочла не то за медные, не то за хорошо отполированные мраморные. Теперь ей хотелось проверить зрением то, что до сей поры она лишь осязала, и убедиться в том, что доселе оставалось лишь догадкой. Она думала теперь собственным своим сиянием осветить удивительные подземные своды и надеялась тогда сразу ознакомиться с этими странными предметами. Она поспешила обратно уже известной дорогой и вскоре нашла щель в скале, по которой обычно пробиралась в святилище.

Доползши туда, она огляделась, утоляя свое любопытство; правда, излучаемое ею сияние не осветило все сводчатое подземелье, но ближние предметы выступили достаточно явственно. С чувством благоговения подняла она изумленный взор на сверкающую нишу, где помещалась отлитая из чистого золота статуя короля, внушающего уважение своей осанкой. Статуя была значительно выше человеческого роста, но, судя по облику, король был человеком скорее невысоким, чем рослым. Простой плащ ниспадал с его статного тела, венок из дубовых листьев придерживал волосы.

Не успела змея наглядеться на внушающую уважение статую, как король заговорил:

— Откуда ты? — спросил он.

— Из расселин, где родина золота, — ответила змея.

— Что великолепнее блеска золота? — спросил король.

— Сияние света, — ответила змея.

— Что живительнее света? — спросил он.

— Беседа, — ответила она.

Так разговаривая, змея покосилась в сторону и в ближней нише тоже увидела великолепную статую. Там сидел серебряный король, высокий и тонкий станом. Его облакало роскошное одеяние, корону, пояс и скипетр украшали самоцветные камни. Лицо его выражало радость, казалось, он вот-вот заговорит, но тут темная жила в мраморной стене вдруг засветилась и озарила весь храм мягким сиянием. При этом свете змея увидела третью статую: в нише, опираясь на булаву, восседал могучий медный король, увенчанный лавровым венком и походивший скорей на скалу, чем на человека. Змея захотела оглянуться на четвертого, что стоял в самой дальней нише, но тут светящаяся жила в мраморной стене сверкнула молнией и исчезла, а стена разверзлась.

Из стены вышел человек среднего роста, который привлек к себе внимание змеи. Он был в крестьянском платье, в руке держал лампаду,

спокойный огонек которой был приятен для глаз и своим чудесным светом, не отбрасывая ни малейшей тени, озарял все своды.

— Зачем ты пришел, раз у нас уже есть свет? — спросил золотой король.

— Вам ведомо, что мне не позволено освещать тьму.

— Наступит ли конец моему царству? — спросил серебряный король.

— Не скоро или никогда, — ответил старик.

Теперь зычным голосом начал задавать вопросы третий король:

— Когда встану я?

— Скоро, — ответил старик.

— С кем должно мне объединиться? — спросил король.

— С твоими старшими братьями, — сказал старик.

— Что станет с младшим? — спросил король.

— Он сядет, — сказал старик.

— Я не устал, — хриплым, прерывистым голосом крикнул, четвертый король.

А змея, пока шел этот разговор, неслышно ползала по храму, она все осмотрела и теперь разглядывала вблизи четвертого короля. Он стоял, прислонясь к колонне, и его внушительная фигура изумляла скорее своей тяжеловесностью, нежели красотой. А вот понять, из какого металла он отлит, было весьма трудно. Вглядевшись внимательнее, можно было различить, что это сплав тех трех металлов, из которых были отлиты его братья. Но при отливке металлы, должно быть, плохо сплывались, золотые и серебряные жилки беспорядочно прорезали медную поверхность, придавая статуе непривлекательный вид.

Меж тем золотой король спросил старика:

— Сколько тайн ты познал?

— Три, — ответил старик.

— Которая важнее всех? — спросил серебряный король.

— Раскрытая, — ответил старик.

— Ты раскроешь их нам? — спросил медный король.

— Когда узнаю четвертую, — сказал старик.

— Какое мне до этого дело? — пробормотал себе под нос король, сплавленный из разных металлов.

— Я знаю четвертую, — сказала змея, подползла к старику и прошипела ему что-то на ухо.

— Урочный час близок! — громким голосом возвестил старик.

Своды храма отозвались гулом, статуи — звоном металла, и в то же мгновение старик и змея погрузились в землю, и оба быстро пронеслись по расселинам скал, он — на запад, она — на восток.

Все пути, которыми шел старик, тут же наполнялись золотом, ибо его лампада обладала чудесным даром превращать все камни в золото, все дерево в серебро, мертвых зверей в самоцветные камни и уничтожать все остальные металлы. Но этот дар проявлялся, когда светила только она, если около был другой свет, от нее просто исходило чудесное яркое сияние, отрада всего живущего.

Старик вошел в свою хижину, приютившуюся под скалой; у очага сидела его жена, она лила горькие слезы и никак не могла успокоиться.

— Ах, я несчастная! — воскликнула она. — Не зря не хотелось мне отпускать тебя сегодня из дому!

— Что случилось? — спокойно спросил старик.

— Только это ты ушел, — сказала она, рыдая, — как в дверь постучались два буяна; по своей неосторожности впустила их, с виду это были люди учтивые, обходительные, их можно было принять за блуждающие огни, ведь их одевали легкие язычки пламени. Не успели они войти, как стали подлаживаться ко мне со всякими бесстыдными любезностями, да так назойливо, что мне и вспомнить-то стыдно.

— Ну, молодые кавалеры, верно, шутили, — возразил, улыбаясь, муж, — в твои-то преклонные лета хватило бы с тебя и простой вежливости.

— Преклонные лета, преклонные лета! Надоело мне вечно слышать о моих преклонных летах! — раскричалась жена. — Подумаешь, какие лета! Тоже сказал, простая вежливость! Да ты осмотришь, погляди на стены, погляди на старые камни, я их уже сто лет не видела!

Они с них все золото слизали, да с таким проворством, что и поверить трудно, а потом говорили, будто оно куда вкусней обычного золота. А вылизав стены дочиста, они, видно, повеселели и, надо правду сказать, выросли, пополнели и заблестели ярче прежнего. И снова начали озорничать, гладили меня, называли своей королевой, а потом как встряхнутся, и тут же по полу запрыгали золотые монеты, — вон, погляди, как они блестят под скамьей. Но какое горе! Наш мопс проглотил несколько червонцев и лежит теперь у очага, умер, бедняга! Никак успокоиться не могу. Увидела я, что он мертв, уж когда они ушли, а то ни за что не пообещала бы отнести перевозчику то, что они ему задолжали.

— А что они ему задолжали? — спросил старик.

— Три кочна капусты, три артишока и три луковки, — сказала жена. — Я обещала, как рассветет, отнести их на реку.

— Окажи им эту любезность, — сказал старик, — при случае они заплатят нам услугой за услугу.

— То ли заплатят, то ли нет, этого я не знаю, но обещать обещали и торжественно меня в том заверили.

Меж тем дрова в очаге догорели; старик засыпал уголья толстым слоем золы, убрал к сторонке блестящие золотые монеты, и тогда лампада его снова засветилась и дивно засияла, стены покрылись золотом, а мопс превратился в чудеснейший оникс, и переливы коричневого с черным, присущие этому драгоценному камню, сделали его подлинным произведением искусства.

— Возьми корзинку и поставь в нее оникс, — сказал старик, — а затем возьми три кочна капусты, три артишока и три луковки, положи их вокруг оникса и отнеси корзинку на реку. А в полдень переправишься по змее на тот берег и пойдешь к красавице Лилии. Отнеси к ней оникс. От ее прикосновения он оживет, как умирает от ее прикосновения все живое. Мопс будет ей верным другом. Скажи ей, пусть не печалится: время ее освобождения близко, пусть воспримет величайшее несчастье, как величайшее счастье, ибо урочный час пробил.

Старуха уложила в корзину все, что надо, и, как рассвело, отправилась в дорогу. Лучи восходящего солнца освещали блестящую вдали реку. Старуха шла медленно, корзина давила ей на голову, но причиной тому был не оникс. Она никогда не ощущала тяжести от неживой ноши, — корзина с такой поклажей подымалась ввысь и реяла у нее над головой, а вот свежие овощи или живая зверушка были для нее непосильным бременем. Так и шла она, недовольная и угрюмая, и вдруг в испуге остановилась: еще немного, и она наступила бы на тень великана, протянувшуюся через всю долину до самых ее ног. Тут только увидела она могучего исполина, который, искупавшись в реке, вылезал из воды, и теперь не знала, как уйти от него незамеченной. Увидав ее, он стал отвечать ей шуточные поклоны, а тем временем руки его тени залезли к ней в корзину, проворно и ловко ухватили кочан капусты, артишок и луковку и положили их великану в рот, и он тут же зашагал вверх по течению и освободил женщине дорогу.

Она было подумала, не вернуться ли ей домой и не восполнить ли утрату овощами из своего огорода, но, так ничего и не решив, продолжала свой путь и вскоре пришла на берег. Долго сидела она, поджидая перевозчика, и наконец-то увидела, что он причаливает к берегу со странным пассажиром. Из лодки вышел юноша, столь красивой и благородной стати, что она не могла вдосталь на него наглядеться.

— Что вы принесли? — крикнул перевозчик.

— Овощи, что задолжали вам блуждающие огоньки, — ответила она и показала ему свой товар.

Увидя всего по две штуки каждой овощи, старик рассердился и стал уверять, будто взять их в уплату не может. Женщина принялась его упрашивать, сказала, что ей не под силу вернуться домой, что на предстоящей обратной дороге ей не снести такого груза. Он упорно стоял на своем и уверял, будто отказывается не по собственной воле.

— То, что причитается мне, должно пролежать у меня девять часов, а мне не разрешено ничего принимать, пока я не отдам треть реке.

После долгих пререканий старик наконец сказал:

— Есть, правда, выход: я согласен взять шесть овощей, — а вы признайте себя должницей реки и поручитесь отдать ей долг, но тут есть для вас некоторая опасность.

— А если я сдержу слово, мне уже не грозит никакая опасность?

— Ни малейшая. Окуните руку в воду и обещайте в течение суток отдать долг.

Старуха так и сделала, но как же она испугалась, вытащив из воды черную, как уголь, руку! С бранью накинулась она на перевозчика, клялась, что руки были лучшим ее украшением, что она всегда их холила и, несмотря на тяжелую работу, сохранила белыми и красивыми. С великим огорчением разглядывала она руку и вдруг в полном отчаянии воскликнула:

— Да что же это за напасть! Рука-то гораздо меньше другой, того и гляди, совсем пропадет.

— Сейчас это только так кажется, — успокоил ее перевозчик, — а вот ежели вы не сдержите слова, рука и впрямь может исчезнуть, будет все уменьшаться да уменьшаться и в конце концов совсем исчезнет, но пользоваться ею вы все равно сможете, рука останется пригодной для всякой работы, но только ее никому не будет видно.

— Уж лучше бы она осталась ни на что не пригодной, да только бы никто этого не видел, — сказала старуха. — А впрочем, чего бояться, я сдержу слово, и тогда прощай и забота, черная кожа.

Сказав так, она быстро взяла корзину, и та сама поднялась над ее головой и теперь свободно парила в воздухе, а старуха поспешила вслед за юношей, который в задумчивости брел по берегу.

И прекрасным обликом своим, и необычным одеянием паразитил он старуху. Грудь его прикрывал блестящий панцирь, под которым угадывались все движения его стройного тела. С плеч ниспадала пурпурная мантия, каштановые кудри окаймляли чело, голова была непокрыта, и солнечные лучи освещали его чистое лицо и обнаженные стройные ноги. Он равнодушно ступал босыми ногами по горячему песку, казалось, все внешние ощущения притупляла глубокая скорбь.

Болтливой старухе не терпелось завязать с ним разговор, но он отделялся короткими малозначащими фразами, наконец ей надоело его понапрасну расспрашивать, и при всем ее восхищении красотой его глаз она все же решила с ним распрощаться.

— Уж очень медленно, государь мой, вы идете, — сказала она, — мне недосуг, нельзя пропустить время, когда можно перейти на тот берег по зеленой змее, ведь я несу красавице Лилии чудесный подарок, что посылает ей мой муж.

Сказав так, она торопливо зашагала вперед, однако так же быстро приободрился и красивый юноша и поспешил за ней следом.

— Вы идете к прекрасной Лилии! — воскликнул он. — Значит, нам по пути. Что за подарок вы ей несете?

— Государь мой, да где же справедливость? — возразила старуха. — Столь скупко отвечая на мои вопросы, вы теперь выспрашиваете меня о моих секретах. Ежели вы согласны на обмен и поведаете мне, кто вы и откуда, то и я не скрою от вас, кто я и что за подарок несу.

Так они и договорились; старуха рассказала, кто она, рассказала, что случилось с собакой, и позволила ему поглядеть на чудесный подарок.

Он тут же вынул из корзины и взял на руки это природой созданное произведение искусства, и казалось, мопс сладко дремлет в его объятиях.

— Счастливец! — воскликнул юноша. — Ее руки коснутся тебя, и ты оживешь, а живые бегут ее, дабы не постигла их печальная участь. Но что я, разве эта участь печальна! Разве не горестнее, не мучительнее утратить все силы при виде ее? Нет, лучше уж умереть от ее руки! Взгляни на меня! — сказал он старухе. — Я еще молод, но сколь бедственна моя участь! Судьбе было угодно оставить мне панцирь, который я с честью носил в бою, пурпур, который я старался заслужить мудрым правлением, но теперь панцирь для меня излишнее бремя, а пурпур — ненужное украшение. Короны, скипетра и меча уже нет; я так же наг и нищ, как простой смертный, ибо так пагубен взгляд дивных ее голубых очей, он отнимает все силы, и те, кого не коснулась ее рука, приносящая смерть всему живому, чувствуют, что они заживо превратились в тени, блуждающие по земле.

Так печаловался он на судьбу, нисколько не удовлетворяя тем любопытство старухи; ей не терпелось выведать не внутренние его переживания, а внешние обстоятельства его жизни; она не узнала ни имени его отца, ни названия его королевства. Юноша, словно живого, прижимал к сердцу каменного мопса, согретого теплом его тела и жарким солнцем, и расспрашивал о ее муже и о силе присущего его лампаде священного света; казалось, он ожидал, что в будущем этот свет благотворно воздействует на его горькую участь.

Так за разговорами продолжали они свой путь и вдруг увидели вдали величественный мост, который дугой перекинулся от берега к берегу и чудесно сверкал на солнце. Оба были изумлены, никогда еще не являл этот мост их взорам столь неожиданного великолепия.

— Что за чудо! — воскликнул принц. — Ведь и раньше он предстал перед нами во всей своей красе, словно сооруженный из яшмы и кварца! Не страшно ли ступить на него, можно подумать, будто он сложен из смарагдов, хризолитов и хризопразов, искусно подобранных умелой рукой.

Ни старуха, ни принц не знали о перемене, что преобразила змею, — ведь этим мостом была змея, которая каждый полдень смелой аркой перекидывалась через реку. Наши путники вступили на мост и в благоговейном молчании перешли на тот берег. И мост тут же заколыхался, задвигался, вскоре коснулся воды, и зеленая змея в присущем ей обличье поползла по земле вслед за ними. Только-только успели они поблагодарить ее за дозволение перебраться на ту сторону по ее спине, как обнаружили, что их не трое, а больше, хотя остальных спутников и не было видно, просто они слышали около себя какое-то шипение, на которое змея отвечала тоже шипением. Они напрягли слух и в конце концов разобрали, о чем идет речь.

— Сперва мы инкогнито осмотримся в парке прекрасной Лилии, — шипели какие-то голоса, — а когда стемнеет и мы приобретем мало-мальски презентабельный вид, просим представить нас несравненной красавице. Мы будем вас ждать на берегу большого озера.

— Будь по-вашему, — ответила змея, и в воздухе постепенно замерло удаляющееся шипение.

Теперь наши путники условились о порядке, в котором им надлежало предстать перед красавицей, — ведь хотя находиться в ее присутствии было дозволено одновременно многим, но, дабы не навлечь на себя невыносимых страданий, приходило и уходить полагалось порознь.

Старуха с корзиной, в которой лежала собака, превращенная в камень, первая подошла к саду и без труда нашла свою покровительницу: та как раз пела, аккомпанируя себе на арфе. Дивные звуки сперва всколыхнули спокойную гладь озера, и по ней пошли круги, затем легким дуновением коснулись травы и кустов. На уединенной зеленой лужайке под сенью различных роскошно разросшихся деревьев сидела прекрасная Лилия и уже с первого мгновения вновь очаровала зрение, слух и сердце восхищенной старухи, готовой поклониться, что за это время красавица Лилия еще похорошела. Уже издали громко приветствовала она эту красавицу из красавиц и расточала ей похвалы.

— Какое счастье смотреть на вас! Каким райским блаженством озаряете вы все вокруг! Как сладостно арфе покоиться у вас на коленях, как ласково обнимают ее ваши руки, как хочется ей прильнуть к вам на грудь, как нежно звучат ее струны, когда их касаются ваши тонкие пальчики! Трещины счастлив тот юноша, кому даровано будет занять ее место!

С такими речами подошла она ближе; красавица Лилия подняла на нее взор и сказала, уронив руки:

— Не огорчай меня похвалой не ко времени! Не увеличивай моей скорби. Видишь, здесь, у моих ног, лежит мертвой бедняжка канарейка, что обычно так сладостно вторила моему пению. Заботясь о ней, я приучила ее сидеть на арфе и не касаться меня; сегодня, восстав ото сна, я запела тихую утреннюю песнь, а моя певунья особенно весело принялась выводить мелодичные трели, и вдруг над моей головой закружил ястреб; бедная испуганная пичужка спряталась у меня на груди, и в тот же миг я почувствовала ее предсмертные содрогания. Правда, хищник, сраженный моим взглядом, беспомощно ковыляет теперь там, у воды, но разве утешит меня его наказание? Моя любимица умерла, и к грустным могильным кустам у меня в саду прибавится еще один.

— Не печалуйтесь, прекрасная Лилия! — воскликнула старуха, вытирая слезу, вызванную этим горестным рассказом. — Возьмите себя в руки! Мой старик велел вам сказать: не давайте волю скорби, не забывайте, что величайшее несчастье — предвестье величайшего счастья, ибо урочный час близок. И вправду, чего только не творится на белом свете. Вот взгляните на мою руку, как она почернела! Да еще маленькая какая стала, — мне надо спешить, не то как бы она совсем не пропала. И надо же было мне оказывать любезность блуждающим огонькам! Надо же было повстречать великана! Надо же было окунуть руку в воду! Может, вы дадите мне кочан капусты, артишок и луковицу? Я отнесу их реке, и тогда моя рука опять станет белой, почти как у вас.

— Капуста и лук, пожалуй, найдутся, а вот артишоки искать здесь нечего. В моем большом саду много разных растений, но ни одно не цветет и не приносит плодов, зато, если я отломлю побег и посажу его на могилу кого-нибудь из моих любимцев, он тут же зазеленеет и пойдет в рост. К сожалению, все эти купы деревьев, все кусты, все рощи выросли у меня на глазах. Все роскошные кроны пиний, стройные обелиски кипарисов, исполинские дубы и буки — только печальные надгробные памятники, молодыми побегами посаженные в бесплодную почву моими руками.

Старуха не очень-то вникала в эти речи, — она глядела на свою руку, которая рядом с белоснежными руками прекрасной Лилии, казалось, с каждой минутой все больше чернела и уменьшалась. Старуха уже хотела взять свою корзинку и поспешить в обратный путь, но, вспомнив, что забыла самое важное, вынула из корзины собаку, превращенную в холодный камень, и поставила в траву у ног красавицы Лилии.

— Мой муж посылает вам это на память, — сказала старуха. — Вы знаете, достаточно вашего прикосновения и этот драгоценный камень оживет. Мой милый мопс, конечно, будет радовать вас, а я не буду скучать по нем, — ведь я буду знать, что он принадлежит вам.

При виде милого мопса на лице прекрасной Лилии выражались и радость, и как будто даже удивление.

— Много предзнаменований совпало по времени, и это рождает во мне некоторую надежду. Но увы! Что, если это просто свойственный нашей натуре самообман, что, если, когда нас преследуют несчастья, мы просто тешим себя надеждой на близкое счастье?

Что знаменья! К добру ли птахи гибель?

К добру ль подруги черная рука?

А мопсик ониковый, мой дружок? Он прибыл

Лампады вестником — но помощь далека...

Иль жизнь прожить мне счастьем не причастной,

Всем даренному? Свыкнуться с тоской?

Зачем не вышел храм на берег праздный?

Зачем же мост не вырос над рекой?[1]

Песнь, что пела прекрасная Лилия, сопровождая ее мелодичными звуками арфы, любого привела бы в восторг, а старуха слушала ее рассеянно, — ей уже не терпелось уйти, но тут ее задержало появление зеленой змеи. Та слышала последние строки песни и сразу стала убеждать Лилию не падать духом.

— Предсказание о мосте сбылось! — воскликнула она. — Спросите старуху, какой великолепной аркой перекинулся он через реку. То, что до сего дня было непрозрачными яшмой и кварцем, тускло мерцавшими разве что по краям, превратилось в прозрачно сияющие самоцветные камни, не сыскать другого берилла, столь чистой воды, не сыскать другого смарагда столь яркой окраски.

— Что ж, в добрый час, — сказала Лилия, — но, простите меня, я не верю, что предсказание уже сбылось. По высокой арке вашего моста могут перейти на ту сторону только пешеходы, а нам обещано, что по мосту одновременно будут переправляться на ту и другую сторону лошади, экипажу и самые разные путники. Разве не было предсказано, что со дна реки для поддержки моста подымутся крепкие устои?

Старуха все время не спускала глаз со своей руки, теперь сна прервала разговор и попрощалась.

— Подождите минутку, — сказала прекрасная Лилия, — захватите с собой мою канареечку! Попросите лампаду превратить ее в красивый топаз; я оживлю ее прикосновением руки и буду коротать время с канарейкой и вашим милым мопсиком. Но спешите изо всех сил! Как только закатится солнце, непреодолимое тление охватит мою бедную птичку и навеки разрушит ее гармоничный облик.

Старуха завернула мертвую птичку в свежие листики и положила в корзинку.

— Как бы то ни было, — сказала змея, продолжая прерванный разговор, — а храм сооружен.



— Но он еще не стоит у реки, — возразила красавица.

— Пока еще он покоится в недрах земли, — сказала змея. — Я видела королей и говорила с ними.

— Но когда же они восстанут? — спросила Лилия.

— Я слышала, как прозвучали в храме великие слова: «Урочный час близок!»

Лицо красавицы озарилось радостной улыбкой.

— Во второй раз за этот день слышу я сулящие счастье слова! Придет ли наконец тот день, когда я услышу их трижды?

Она встала, и тут же из-за кустов выступила, прелестная девушка и взяла у нее из рук арфу. Вслед за ней вышла другая, она унесла выточенный из слоновой кости складной стул, на котором сидела красавица, и серебряную подушку. Затем появилась еще одна, с большим шитым жемчугом зонтом, и остановилась в ожидании, — не нужен ли он будет Лилии, если та соизволит прогуляться. Все три девушки были полны очарования и на редкость красивы, и все же они не могли не признать, что Лилия затмевает их своей неопишуемой красотой.

Меж тем прекрасная Лилия с удовольствием глядела на удивительного мопса. Она наклонилась, коснулась его, и в то же мгновение мопс вскочил, бойко огляделся, побегал туда и сюда, затем бросился к своей благодетельнице и запрыгал вокруг нее. Она взяла его на руки и прижала к сердцу.

— Хоть ты и холоден, хоть ожил еще лишь наполовину, я рада тебе, — воскликнула она, — и обещаю весело с тобою играть, ласково гладить, крепко прижимать к сердцу и нежно любить тебя.

Сказав так, она выпустила его из своих объятий, прогнала, подозвала снова, затеяла веселую игру, радостно, словно дитя, резвясь с ним на лужайке, и те, кто глядел на нее, приходили в восторг и вместе с ней радовались ее милым забавам, так же как перед тем их сердца отзывались состраданием на ее горести.

Это веселье, эти милые затеи были прерваны появлением печального юноши. Облик его был все тот же, уже нам знакомый, но, казалось, его утомил полуденный зной, а теперь, глядя на любимую, он с каждой минутой все больше бледнел. На руке у него смирно, как голубь, сидел, опустив крылья, ястреб.

— Зачем ты принес сюда эту злую, ненавистную мне птицу, что убила сегодня мою певунью-канареечку? Нехорошо это с твоей стороны! — воскликнула Лилия.

— Не брани бедную птицу! — возразил он. — Обвиняй себя и судьбу и дозвожь мне не разлучаться с товарищем по несчастью.

Тем временем мопс не переставал ластиться к красавице, а она весело отвечала на заигрывания своего прозрачного любимца, отпугивала его, хлопая в ладоши, а потом бежала за ним, звала к себе, старалась поймать, когда он удирал, прогоняла, когда он к ней льнул. Юноша, все больше и больше досадуя, молча глядел на эти забавы. Но когда она взяла на руки безобразного мопса, на его взгляд препротивного, когда она прижала его к своей белоснежной груди и ее небесные уста коснулись поцелуем черной морды, юноша не выдержал и в отчаянии воскликнул:

— Ужели я обречен злой судьбой быть подле тебя и быть с тобой разлученным? Ужели я, из-за тебя потерявший все, Потерявший даже себя самого, обречен своими глазами видеть, что эта мерзкая образина радуется, привлекает тебя, наслаждается в твоих объятиях? Ужели я должен и впредь скитаться сюда и обратно и совершать все тот же печальный круг, переправляясь с одной стороны реки на другую? Довольно! В сердце моем еще тлеет искра былой отваги, пусть вспыхнет она в этот миг последним пламенем. Если камни могут покоиться у тебя на груди, пусть я стану камнем, если твое прикосновение несет смерть, я хочу умереть от твоей руки.

С этими словами он сделал резкое движение; ястреб слетел с его плеча, а он кинулся к красавице. А она, желая остановить его, протянула вперед руки, но тем скорее его коснулась. Он лишился сознания, и скованная ужасом Лилия ощутила у себя на груди милую ее сердцу тяжесть его тела. Она вскрикнула и отступила на шаг, а прелестный юноша мертвым упал из ее объятий на землю.

Несчастье свершилось! Нежная Лилия словно окаменела, остановившимся взглядом смотрела она на бездыханное тело, казалось, сердце уже не бьется у нее в груди, в глазах не было слез. Напрасно ластился к ней мопс, прося ее ласки, вместе с другом сердца для нее умер весь мир. Застыв в немом отчаянии, она не искала помощи, зная, что помощи нет.

Тем проворнее зашевелилась змея, казалось, ее мысли заняты спасением юноши. И вправду, удивительными движениями своего гибкого тела ей удалось хоть на первое время задержать страшные последствия несчастья. Кольцом обвилась она вокруг мертвого юноши, захватила зубами конец своего хвоста и больше не двигалась.

Спустя немного пришла одна из красоток-прислужниц, принесла складной стул из слоновой кости и ласково усадила на него прекрасную Лилию; за ней вскоре появилась другая, с огненно-красным вуалем, и скорее украсила, чем покрыла им голову своей госпожи, третья подала ей арфу, и не успела Лилия взять арфу и извлечь из струн несколько звуков, как первая прислужница вернулась с светлым круглым зеркалом и, став перед прекрасной Лилией, поймала ее взгляд, и Лилия увидела в зеркале отражение дивного, небывалой красоты образа. Горе одухотворило ее красоту, вуаль придал ей еще больше очарования, арфа — прелести, и столь же сильно, как надежда, что печальная ее участь изменится, было у всех желание, чтобы образ ее сохранился таким, как сейчас.

Устремив тихий взгляд на зеркало, Лилия извлекла из струн мягкие мелодичные звуки, а когда скорбь ее возрастала, струны громким ропотом отзывались на ее боль. Не раз открывала она уста и пыталась запеть, но голос изменял ей, и вскоре боль ее разрешилась слезами; две прислужницы пришли ей на помощь и поддержали ее, арфа упала с ее колен, и третья девушка едва успела подхватить и

унести ее.

— Кто, пока солнце еще не закатилось, приведет к нам человека с лампадой? — тихо, но явственно прошипела змея.

Девушки переглянулись, а из глаз прекрасной Лилии слезы потекли еще обильнее. В эту минуту прибежала, с трудом переводя дух, запыхавшаяся старуха с корзиной.

— Я пропала, останусь калекой на всю жизнь! — крикнула она. — Вот, взгляните, — у меня уже почти нет руки! Ни перевозчик, ни великан не хотят переправить меня на ту сторону, — ведь я все еще не вернула свой долг реке, напрасно предлагала я сто кочанов капусты и сто луковок, они требуют только по три овоща, но каждого сорта, а артишоков в этих местах не найти.

— Забудьте о своей беде, — сказала змея, — постарайтесь помочь здешнему горю! Возможно, от этого будет помощь и вам. Не медлите, поспешите отыскать блуждающие огоньки! Еще не стемнело, их не увидеть, но, может, вы услышите, как они смеются, как перепархивают с места на место. Если вы не задержитесь, великан еще успеет переправить вас с ними через реку, — они помогут вам найти человека с лампадой, и вы пришлете его сюда.

Старуха побежала что было мочи, а змея, казалось, с тем же нетерпением, что и Лилия, ждала возвращения и ее и старика. Но — увы! — лучи заходящего солнца золотили уже только верхушки деревьев в лесу, длинные тени легли на озеро и лужайку, змея извивалась от нетерпения, а Лилия утонула в слезах.

В таком бедственном положении змея внимательно следила за всем; она боялась, что солнце зайдет, свет померкнет, тление прорвется сквозь магический круг и с неудержимой силой охватит юношу. Наконец она узрела в небе ястреба с пурпурно-красными в лучах заходящего солнца перьями на груди. Она вся затрепетала от радости, усмотрев в этом доброе предзнаменование, и она не обманулась: вскоре появился человек с лампадой, — будто на коньках, скользил он по озеру.

Змея не тронулась с места, не разомкнула кольца, а Лилия встала и воскликнула:

— Какой добрый гений привел тебя к нам в ту минуту, когда мы так жаждали видеть тебя, так в тебе нуждались?

— Гений моей лампы позвал меня, а ястреб привел сюда. Когда моя помощь нужна, лампада начинает вспыхивать и потрескивать, а я жду и гляжу на небо: птица или падучая звезда указуют мне ту страну света, куда мне направить свои стопы. Успокойся, красавица из красавиц! Помогу ли я, мне не ведомо... Один бессилен и не может помочь, но в единении со многими в урочный час — может. Будем ждать и надеяться! Не размыкай кольца! — садясь на бугорок подле змеи, приказал он и осветил мертвого юношу. — Принесите и милую канареечку и положите ее тоже в кольцо.

Прислужницы вынули из оставленной старухой корзины мертвую птичку и сделали, как повелел старик.

Меж тем солнце уже скрылось, и когда совсем стемнело, засветились не только змея и лампада, как это им полагалось, мягкий свет исходил теперь и от вуаля Лилии, скрашивая нежным, как утренняя заря, румянцем бледные ее ланиты и белое одеяние, что придавало ей особое очарование. Все молча созерцали друг друга; твердая надежда смягчала тревогу и печаль.

Вот почему не без удовольствия было встречено появление старухи в сопровождении обоих веселых огоньков, которые за это время, видимо, сильно поистратились: они опять отощали, но тем учтивее были они в обхождении с принцессой и остальными женщинами. С великой уверенностью и весьма выразительно изрекали они довольно обыденные истины, особенно восчувствовали они то очарование, что придавал светящийся вуаль красавице Лилии и ее прислужницам. Скромно опустили девицы глазки, и от восхваления их красоты еще похорошели. Все, кроме старухи, были спокойны и довольны. Хотя муж и уверял, что рука ее не уменьшится, куда ее освещает его лампада, она все же твердила, что, ежели так и дальше пойдет, рука — этот насущный и благородный орган ее тела — еще до полуночи исчезнет совсем.

Старик с лампадой внимательно прислушивался к разговору блуждающих огней и радовался, что их болтовня рассеяла печальные думы Лилии и приободрила ее. И верно — никто даже не заметил, что уже настала полночь.

Старик поглядел на звезды и тогда сказал так:

— В добрый час собрались мы все вместе; пусть каждый делает свое дело, пусть каждый выполняет свой долг, и в общем счастье растворятся горести отдельных живых существ, так же как меркнут радости отдельных живых существ при общем несчастье.

После таких его слов поднялся удивительный шум, все говорили зараз, причем каждый громко заявлял, что будет делать. Молчали только три девушки: они заснули, одна у арфы, другая — у зонта, третья — у складного стула, но винить их за это нельзя, — час был уже поздний, а пылающие кавалеры, полюбезничав мимоходом и с прислужницами, потом увивались уже только вокруг Лилии, которая всех затмевала своей красотой.

— Возьми зеркало, — сказал старик ястребу, — и, как только взойдет солнце, пробуди спящих дев, осветив их отраженным с небес сиянием лучей.

Теперь зашевелилась и змея, разомкнула кольцо и, медленно извиваясь, поползла к реке. Торжественно, полыхая как подлинное яркое пламя, шествовали за ней оба блуждающих огонька. Старик со старухой взяли светившуюся мягким, дотоле почти незаметным светом корзину, и каждый начал тянуть ее к себе, и корзина на глазах у всех становилась все больше и светилась все ярче. Они положили в нее тело юноши, а ему на грудь — мертвую канарейку; корзина поднялась в воздух и повисла, рея над головой старухи, а старуха пошла за блуждающими огоньками. Прекрасная Лилия взяла на руки мопса и последовала за старухой. Старец с лампадой замыкал шествие; все вокруг озаряли своим дивным сиянием эти столь разные светильни.

Но какое было общее изумление, когда, дойдя до реки, они увидели, что с одного берега на другой перекинулась великолепная арка, — это благодетельница змея уготовила им сияющий огнями путь. Если днем они любовались прозрачными самоцветами, из которых, казалось, сооружен мост, то теперь во тьме ночи они дивились на его блеск и великолепие. Сверху светлая арка резко выделялась на темном небе, а снизу к ее середине, сверкая, сбегались переливчатые лучи, из чего было ясно, что при всей своей подвижности мост устойчив. Медленно перешло все шествие на ту сторону, а перевозчик, стоя в дверях своей хижины, издали с изумлением смотрел на лучезарную арку и удивительные огни, что двигались по ней.

Как только ступили путники на берег, арка заколыхалась, волнистыми движениями приближаясь к воде, и немного погодя змея уже плыла к берегу. Корзина опустилась на землю, и змея снова кольцом обвилась вокруг тела юноши. Старик наклонился к ней и спросил:

— Что ты решила?

— Сама принести себя в жертву раньше, чем буду принесена в жертву другими, — ответила змея. — Обещай не оставить на суше ни единого моего камня.

Старик обещал. Затем он обратился к прекрасной Лилии:

— Коснись левой рукой змеи, а правой любимого тобой юноши!

Лилия опустилась на колени и коснулась змеи и мертвого тела. И в то же мгновение бездыханное тело начало оживать, мертвый зашевелился, приподнялся, сел. Лилия хотела его обнять, но старик отстранил ее, он сам поддержал юношу, когда тот встал, и помог ему переступить через край корзины и кольцо, образованное змеей.

Юноша стоял, канарейка на его плече махала крылышками, — материя ожила, но дух еще не вернулся: глаза юноши были открыты, но, казалось, он ничего не видит, взор его был безучастен. Как только немного улеглось изумление, всех привлекла странная перемена в облике змеи. Ее красивое тело распалось на тысячи сверкающих камней: старуха, потянувшись за корзиной, нечаянно задела змею, и от той ничего не осталось — только великолепное кольцо из самоцветных камней сияло на траве.

Старик тут же принялся собирать камни в корзину, и жена ему помогала. Потом они взобрались на возвышенное место у самой реки, и он вытряхнул все, что было в корзине, в воду, к немалому неудовольствию красавицы Лилии и жены, которые охотно выбрали бы себе что-нибудь из этого богатства. Словно звезды мерцали, плывя на волнах, сияющие камни, и трудно было сказать, исчезли они вдали или пошли ко дну.

— Милостивые государи, — почтительно обратился старик к блуждающим огням, — теперь я выведу вас на дорогу, а затем открою вам проход, вы же окажете нам величайшую услугу, ежели откроете врата, через которые нам ныне надлежит вступить в святилище, ибо, кроме вас, отомкнуть их никто не может.

Блуждающие огни учтиво поклонились и пропустили старика с лампадой вперед. Он первым вошел в разверзшуюся перед ним скалу; юноша следовал за ним, по-прежнему, как во сне, переставляя ноги; Лилия, тихая и нерешительная, держалась в некотором отдалении; старуха не хотела отставать и вытянула руку так, чтобы свет лампы мужа падал на нее. Теперь шествие замыкали блуждающие огни, они склонились друг к другу верхушками ярко горящих языков и, казалось, о чем-то шептались.

Прошло немного времени, и старик остановился перед огромными медными вратами, запертыми на золотой замок. Он подозревал блуждающие огни, а те не заставили себя долго просить и тут же с деловитым видом принялись пожирать своими острыми огненными языками замок и засовы.

С гулким звоном распахнулись врата святилища, и взорам явились гордые статуи королей, осиянные светом, внесенным пришедшими. Все почтительно склонилось перед достойными властителями, особенно изысканно изгибались в поклонах блуждающие огни.

После некоторого молчания золотой король спросил:

— Откуда вы пришли?

— Из мира, — отвечивал старик.

— Куда вы идете? — спросил серебряный король.

— В мир, — сказал старец.

— Зачем вы здесь? — спросил медный король.

— Чтобы сопровождать вас, — отвечивал старец.

Король из сплава собрался было заговорить, но тут золотой король сказал, обращаясь к блуждающим огням, слишком близко подступившим к нему:

— Уйдите прочь! Мое золото не для вас.

Тогда они подошли к серебряному королю и начали к нему лгнуть, от их пламени его одеянье красиво светилось желтоватым отблеском.

— Я рад видеть вас, — сказал он, — но напитать не могу, насыщайтесь на стороне, а мне приносите ваш свет.

Они отошли и прошмыгнули мимо медного короля, который их как будто и не заметил, к тому королю, что был из сплава.

— Кто будет властвовать миром? — крикнул он прерывистым голосом.

— Тот, кто стоит на своих ногах, — отвечивал старец.

— Это я, — сказал король из сплава.

— Скоро это откроется, — отвечивал старец, — ибо урочный час близок!

Красавица Лилия обняла старика и от всего сердца поцеловала его.

— Праведный старец, — сказала она, — благодарность моя безгранична, ибо в третий раз слышу я эти знаменательные слова.

Молвив так, она вдруг ещё крепче прижалась к старику; земля у них под ногами заколебалась, старуха и юноша тоже держались друг за друга, только непоседливые огоньки ничего не заметили.

Храм двигался, — это ясно ощущалось, — двигался, чуть покачиваясь, как корабль, медленно покидающий гавань, когда якорь поднят. Казалось, на его пути расступаются недра земли; он ни на что не наткнулся, ни одна скала не преградила ему дорогу.

Несколько мгновений казалось, будто через отверстие купола в храм тонкими струйками льется дождик. Старец крепче обнял красавицу Лилию и сказал:

— Над нами река, мы скоро будем у цели.

Спустя немного им показалось, будто движения больше нет, но они обманулись, храм подымался вверх. Вдруг у них над головой раздался невероятный грохот. Над ними, беспорядочно теснясь, прорывались в отверстие купола доски и балки. Лилия и старуха отпрянули в сторону; старец с лампадой схватил юношу, и они остались на месте. Лачуга перевозчика, — это ее, подымаясь вверх, оторвал от земли и поглотил храм, — медленно падая, накрыла юношу и старца.

Женщины подняли крик, а храм содрогнулся, словно корабль, неожиданно наскочивший на сушу. Испуганные, бродили они впотьмах вокруг лачуги; дверь была заперта, на их стук никто не отзывался, они принялись стучать настойчивей, и сколь же велико было их изумление, когда под конец дерево зазвенело. Хижина изнутри и снаружи силой лампы, в ней заключенной, была превращена в серебряную. Вскоре изменился и весь ее облик: благородный металл отказался от плохо подогнанных одна к другой досок, подпорок, балок и расширился в великолепное здание чеканной работы. Внутри большого храма стоял теперь не менее великолепный маленький, своего рода достойный его алтарь.

Благородный юноша поднялся по внутренней лестнице. Старец с лампадой освещал ему путь, их сопровождал старик в белой короткой одежде, с серебряным веслом в руке, — в нем все сразу признали перевозчика, прежнего обитателя преображенной лачуги.

Прекрасная Лилия поднялась по ступеням наружной лестницы, которая вела из храма в алтарь, но и сейчас еще ей, надлежало держаться в отдалении от милого ее сердцу юноши. Старуха, рука которой за то время, что лампада была сокрыта, еще уменьшилась, воскликнула:

— Неужто мне суждено на всю жизнь остаться несчастной? Неужто среди стольких чудес не сыщется ни одного для спасения моей руки?

Муж указал ей на отворенные врата храма.

— Смотри, уже светает, поспеши искупаться в реке! — сказал он.

— Ну и совет! — крикнула она. — Этак я вся целиком почернею и исчезну: долга-то я еще не выплатила!

— Ступай, — сказал старик, — и слушай меня: все долги уже выплачены.

Старуха быстро убежала, и в то же мгновение восходящее солнце осветило купол, венчающий храм. Старец стал между юношей и девицей и возгласил:

— Три начала властвуют миром: мудрость, свет и сила.

При первом слове встал золотой король, при втором — серебряный, при третьем медленно поднялся медный, и тут же король из сплава неуклюже опустился на сиденье. Невзирая на торжественность минуты, тот, кто его видел, еле сдерживался от смеха: король не сидел, и не лежал, и ни к чему не прислонялся, — он весь осел какой-то бесформенной массой.

Блуждающие огни, до тех пор трудившиеся около него, отошли в сторону; при свете утренней зари они, правда, побледнели, но выглядели упитанными и горели неплохо. Очень ловко вылизали они острыми своими языками золотые прожилки колоссальной статуи. Возникшие таким образом беспорядочно распределенные пустые прожилки сохранялись, хотя и открытые, и статуя держалась на ногах. Но под конец были выедены все жилочки до самой тоненькой, и статуя сразу рухнула, на беду сломавшись как раз в тех местах, которым, когда человек садится, положено сохраняться в целостности, а вот те суставы, которым надлежит сгибаться, не согнулись. И, глядя на эту освещенную массу, не то статую, не то бесформенный ком, тот, у кого она не вызывала смеха, невольно отворачивался, — уж очень неприглядное это было зрелище.

Старец с лампадой повел все еще безучастно устремившего взор в пространство красавца юношу вниз, прямо к медному королю. У ног могоучего властителя лежал меч в медных ножнах. Юноша опоясался мечом.

— Меч у левой руки, правая рука свободна! — возгласил мощный король.

Затем они подошли к серебряному королю, тот протянул юноше своей скипетр. Юноша взял его в левую руку, и король ласково сказал:

— Паси овец своих!

Тогда они подошли к золотому королю; тот, словно отечески благословляя, возложил на голову юноше венок из дубовых листьев и сказал:

— Познай высшее!

Пока они обходили королей, старик внимательно следил за юношей. Когда тот опоясался мечом, грудь у него расширилась, руки стали увереннее двигаться, ноги — тверже ступать; когда он взял в руку скипетр, сила его, казалось, смягчилась, но в то же время и возросла, так несказанно хорош стал он лицом, а когда его кудри украсил венок из дубовых листьев, лицо его ожило, глаза озарились духовным светом и первое слово, слетевшее с его уст, было Лилия.

— Лилия, любимая моя! — воскликнул он, спеша к ней навстречу по серебряной лестнице, — она со стен алтаря следила за ним, пока он совершал свой обход, — Лилия, любимая моя! Что может быть самым ценным даром для человека, которому даровано все, как не та чистая и нежная любовь, что мне сулит твое сердце!

— О друг мой! — сказал он, обращаясь к старцу и глядя на священные статуи трех королей, — чудесно и прочно царство наших отцов, но ты забыл четвертую силу, извечную, всеобщую, владеющую всем миром — силу любви.

С этими словами он заключил в объятия красавицу деву, она откинула вуаль, и ланиты ее зарделись прелестным неувядаемым румянцем.

В ответ на это старик, улыбнувшись, сказал:

— Любовь не властвует, она созидает, а это важней.

Увлеченные торжественностью минуты, счастьем, восторгом, они не заметили, как наступил день, и теперь в распахнутые ворота их взорам открылась совершенно неожиданная картина. Широкою, окруженную колоннами площадь, своего рода парадный двор, завершал длинный великолепный мост, перекинувшийся через реку; по обе его стороны шли роскошные колоннады, удобные для пешеходов, которые уже теснились на них, спеша с одного берега на другой. По широкой дороге посреди моста гнали стада, шли мулы, ехали всадники и экипажи, два оживленных потока двигались каждый в свою сторону, не мешая один другому; казалось, все на мосту дивятся на его удобство и великолепие; а молодой король с супругой были столь же воодушевлены движением и жизнью народа, сколь счастливы своей взаимной любовью.

— Храни добрую память о змее! — сказал старец с лампадой. — Ты обязан ей жизнью, подвластный тебе народ — мостом, он соединил эти близкие меж собой, но пустынные берега и сделал их обитаемыми. Те самоцветные камни, что светились, плывя на волнах, останки тела, принесенного ею в жертву, они превратились в устои этого величественного моста. На них воздвигся мост, и на них он будет крепко стоять.

Всем не терпелось, чтобы старик поскорее открыл им эту чудесную тайну, но тут во врата храма вошли четыре красотишки девушки. По арфе, зонту и складному стулу все сразу узнали прислужниц Лилии, а четвертая, самая красивая, но никому не знакомая, весело, как подруга, шутя и болтая, прошла с ними храмом и поднялась по серебряным ступеням алтаря.

— Ну, как, будешь мне впредь больше верить, дорогая жена? — обратился к красотке старик с лампадой. — Счастлива ты, счастлива всякая тварь земная, что искупалась нынешним утром в реке.

Былой облик старухи исчез бесследно, молодая красавица с юным пылом обнимала человека с лампадой, а он благосклонно принимал ее ласки.

— Если я слишком стар для тебя, можешь сегодня избрать себе другого супруга: с нынешнего утра действителен только заново заключенный брак.

— А ты разве не знаешь, что ты тоже помолодел? — возразила она.

— Мне отраднo, что в твоих молодых глазах я юноша, полный сил. Вновь прошу я твоей руки, и мы с радостью проживем вместе и грядущее тысячелетие.

Королева ласково приветствовала новую подругу и вместо с ней и остальными тремя девушками сошла со стен алтаря, а король не спускал глаз с моста и внимательно вглядывался в движение теснившейся там толпы.

Радужное его настроение длилось недолго: к своей досаде, правда, тоже недолгой, он увидел, что по мосту, пошатываясь на ходу, бредет как будто еще не совсем очнувшийся после утреннего сна великан и вносит смятение в толпу. Как обычно, еще полусонный, шел он искупаться в знакомой бухте, но на ее месте почувствовал у себя под ногами твердую почву и топтался теперь по настилу широкого моста. Весь народ с удивлением глядел на него, однако никто не ощущал толчков от той неуклюжести, с которой он, нетвердо ступая, раздвигал и людей и скот. Но когда солнце стало светить ему в лицо и он поднял руку, чтобы протереть глаза, тень позади него стала молотить по толпе огромными кулачищами, не разбирая куда, нанося увечья, валя с ног людей и животных, грозя сбросить их в реку.

Король, увидя это бесчинство, невольно схватился за меч, но одумался и спокойно посмотрел сперва на свой скипетр, затем на лампаду и весло своих спутников.

— Я угадываю твои мысли, — сказал человек с лампадой, — но мы при всей нашей силе беспомощны против этого всемогущего исполина. Успокойся! В последний раз наносит он вред, и, к счастью, тень его падает не в нашу сторону.

Меж тем великан подошел ближе; узрев то, что было у него перед глазами, он разинул от изумления рот, опустил руки и, уже никому не причиняя вреда, вошел на площадь перед храмом.

Он двинулся прямо к воротам храма, но вдруг остановился посреди площади, словно прирос к земле, и теперь высился там огромным, могучим монументом из отливающего красноватым камня, а тень его указывала часы, отмеченные по кругу у его ног, но отмеченные не цифрами, а прекрасно выполненными сакральными изображениями.

Немало обрадован был король, когда увидел, что тень великана нашла полезное применение, немало удивлена была королева, когда в великолепном одеянии вышла в сопровождении своих прислужниц из алтаря и, поднявшись на его стены, увидела поразительную статую, почти прикрывшую вид из храма на мост.

А меж тем народ повалил вслед за великаном и, видя, что тот недвижим, теснился вокруг него, дивясь неожиданному превращению. Потом толпа отхлынула к храму, словно только сейчас увидя его, и теперь теснилась уже у его врат.

В эту минуту ястреб с зеркалом взмыл высоко над храмом и навел отразившийся в зеркале солнечный луч на стоявших на стене алтаря. Король, королева и те, кто их окружали, предстали под сумрачными сводами храма озаренные небесным сиянием, и народ пал ниц перед ними. Когда изумленная толпа опомнилась и поднялась на ноги, король и его приближенные спустились в алтарь, чтобы потайной галереей пройти во дворец, а народ, любопытствуя, разбрелся по храму. В благоговейном изумлении созерцали вошедшие трех королей, стоящих в нишах, но особенно донимало всех желание узнать, что за бесформенный ком сокрыт под ковром в четвертой нише, ибо кто-то, доброжелательный и скромный, покрыл поверженного в прах четвертого короля роскошным ковром, и ничей взгляд не мог чрез него проникнуть, ничья дерзновенная рука не решалась его приподнять.

Народ не перестал бы любоваться изумительной красотой храма, и от все возрастающей толпы могла бы возникнуть давка, но тут общее внимание было отвлечено тем, что происходило на площади.

Нежданно-негаданно на мраморные плиты, словно с неба, звеня, посыпались червонцы. Те, что стояли поближе, кинулись их подбирать; чудо это повторялось в разных местах. Нетрудно догадаться, что это блуждающие огни захотели на прощанье повеселиться и забавы ради растрясти золото из жилок рухнувшего короля. Жадная до денег толпа кидалась то туда, то сюда, люди теснились, давили друг друга, дрались даже тогда, когда сверху уже не сыпалось никаких золотых монет. Постепенно толпа растаяла, каждый пошел своей дорогой, но и по сей день еще кишит людьми мост, и во всем мире не сыскать другого столь посещаемого храма.

## Комментарии

Летом 1794 года состоялось столь богатое последствиями сближение Гете с Шиллером. Приняв на себя обязанности редактора журнала «Оры», финансировавшегося книгопродавцем Котта, Шиллер пригласил сотрудничать во вновь созданном журнале первого поэта Германии, давшего на то свое согласие. Шиллеру очень хотелось открыть «Оры» «Годами учения Вильгельма Мейстера», над которыми Гете тогда трудился. Первые книги «Мейстера» были уже закончены, последующие еще только в работе. Но Гете не мог пойти навстречу пожеланию Шиллера, так как был связан условиями договора с издателем Унгером, согласно которым он обязался предоставить издательству роман, до того нигде не печатавшийся. Поэтому он ограничился обещанием представить в журнал короткий рассказ, а потом и целую серию рассказов, охваченных общей «рамой», по примеру «Декамерона» Боккаччо. Внести большой вклад в журнал Шиллера Гете не мог при своей занятости, не только трудясь над «Вильгельмом Мейстером», но и параллельно подготавливая к печати «Трактат о цвете» и свои остеологические открытия. А теперь приходилось работать еще и над целой серией новелл. Правда, автор «Разговоров» называл их «легким послеобеденным десертом», радуясь тому, что он принял решение, заметно облегчающее его труд: не сочинять сюжеты всех своих новелл, а частично почерпать таковые, как то делал и Боккаччо, из мемуаров и французского сборника XV века «Сто новых новелл», а также записывать иные новеллы со слов своих знакомых (мы имеем в виду рассказ о певице Антонелли и другой — о явлении духа, как бы служащий ему продолжением). Только одну новеллу из шести Гете сочинил сам рассказ о проступке Фердинандо и искуплении им своей вины. Сочинена Гете и прихотливая «Сказка», которой писатель заканчивает «Разговоры», а также «рама», объединяющая всю серию рассказов в единое целое. С истинным блеском и реалистической наглядностью, четкими выразительными линиями воссозданы образы действующих лиц — баронессы, «старика», то есть умного, светского аббата, а также других членов и домочадцев баронского семейства. Все, что происходит в уцелевшей усадьбе аристократических немецких переселенцев, проникнуто тревожной атмосферой Французской революции, заметно сгустившейся из-за политического разномыслия среди кровных родственников, собравшихся под одной крышей. Гете великолепно воссоздает «местный колорит» и самим качеством изложения, непринужденностью разговорного языка, плавным стилем рассказчиков и отточенными диалогами, перемежающимися монологами участников этих «новеллистических сеансов». «Старик», то есть духовник баронского семейства, искусно повышает уровень поучительности от новеллы к новелле и завершает череду новелл, насыщенных духом гуманного либерализма, фантастической «Сказкой», сплетенной из очаровательных волшебных несуровиц, проникнутых ненавязчивой, но все же приметной нравственной идеей: все земные трудности разрешимы, если все живое, как бы ни было фантастично сказочное обличье персонажей, будет оказывать посильную помощь всем и каждому.

Мы вправе смотреть на «Разговоры немецких беженцев» как на значительный вклад в немецкую литературу. До их обнародования в Германии не знали воздушного изящества короткой новеллы и волшебной фантастики художественной «искусственной сказки» (весьма отличной от простодушно-народной). Гете открыл для немцев эти два новых жанра, смело и вместе с тем бережно пересадив их с французской и итальянской почвы на почву отечественную. Поколение романтиков и позднейших немецких писателей — от Тика и Клейста до Шторма, Эбнер-Эшенбах и др. — вошли по этим двум путям, проложенным Гете.

В «Разговорах немецких беженцев» Гете показывает мир немецкого дворянства и его прямую реакцию на великие французские события с той же объективностью, с какою он живописует в «Германе и Доротее» мир провинциального немецкого бюргерства эпохи Великой французской революции. Об идеях и социальных проблемах, поставленных перед человечеством французской революцией,

писатель более развернуто высказывается в «Годах странствий Вильгельма Мейстера».

В те злосчастные дни... — Имеется в виду вторжение революционной французской армии генерала Кюстина. Через слабо защищенное место границы — в районе города Ландау.

Къайа — береговая улица в Неаполе.

Маршал де Бассомпьер Франсуа (1579–1646) — автор мемуаров, впервые обнародованных в Кельне в 1665–1692 гг.

Сказка о прекрасной Мелузине. — Мелузина — полуженщина-полурыба, персонаж из французской сказки, сложившийся еще в средние века и из Франции перекочевавший в Германию и в скандинавские страны.

Н. Вильмонт

Примечания

1 Перевод стихов Н. Вольпин.